

В. ГАУФ

СКАЗКИ

ВИЛЬГЕЛЬМ ГАУФ

СКАЗКИ

Саратовское
Книжное издательство
1957

СОДЕРЖАНИЕ

Маленький Мук	3
Карлик Нос	22
Сказка о Халифе-Аисте	55
Холодное сердце	68

Перевод с немецкого М. Салье.

Вильгельм Гауф

Сказки

Редактор *Р. Медведева*

Художник *Ф. Русецкий*

Художеств. редактор *А. Евменов*

Технич. редактор *В. Лукашевич*. Корректор *Л. Семенова*.

НГ05031. Подп. к печ. 24/VIII-1957. Тираж 100 000. Бумага 60×84 1/16.
Бум. л. 3,25. Печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 4,55+6 вклеек. Цена 2 р. 80 к.

Переплет 2 р. 50 к.

Саратовское книжное издательство. Вольская, 81.

Саратов. Типография № 1 Облполиграфиздата. Заказ 2148

OCR Давид Титиевский, июль 2021 г., Хайфа

МАЛЕНЬКИЙ МУК

В городе Никее, на моей родине, жил человек, которого звали Маленький Мук. Хотя я был тогда мальчиком, я очень хорошо его помню, тем более, что мой отец как-то задал мне из-за него здоровую трёпку. В то время Маленький Мук был уже стариком, но рост имел крошечный. Вид у него был довольно смешной: на маленьком, тощем тельце торчала огромная голова, гораздо больше, чем у других людей.

Маленький Мук жил в большом старом доме совсем один. Даже обед он себе сам стряпал. Каждый полдень над его домом появлялся густой дым; не будь этого, соседи не знали бы, жив карлик или умер. Маленький Мук выходил на улицу только раз в месяц — каждое первое число. Но по вечерам люди часто видели, как Маленький Мук гуляет по плоской крыше своего дома. Снизу казалось, будто одна огромная голова движется взад и вперёд по крыше.

Я и мои товарищи были злые мальчишки и любили дразнить прохожих. Когда Маленький Мук выходил из дому, для нас был настоящий праздник. В этот день мы толпой собирались перед его домом и ждали, пока он выйдет. Вот осторожно раскрывалась дверь. Из неё высовывалась большая голова в огромной чалме. За головой следовало всё тело в старом, полинялом халате и просторных шароварах. У широкого пояса болтался кинжал, такой длинный, что трудно было сказать — кинжал ли прикреплен к Мuku или Мук прикреплен к кинжалу.

Когда Мук наконец выходил на улицу, мы приветствовали его радостными криками и плясали вокруг него, точно шальные. Мук с важностью кивал нам головой и медленно шёл по улице, шлёпая туфлями. Туфли у него были прямо огромные — таких никто никогда раньше не видал. А мы, мальчишки, бежали за ним и кричали: «Маленький Мук! Маленький Мук!» Мы даже сочинили про него такую песенку:

Крошка Мук, крошка Мук,
Оглянись скорей вокруг,
Оглянись скорей вокруг
И поймай нас, крошка Мук!

Мы часто потешались над бедным карликом, и приходится сознаться, хоть мне и стыдно, что я больше всех обижал его. Я всегда норовил схватить Мука за полу халата, а раз даже нарочно наступил ему на туфлю так, что бедняга упал. Это показалось мне очень смешно, но у меня сразу пропала охота смеяться, когда я увидел, что Маленький Мук, с трудом поднявшись, пошёл прямо к дому моего отца. Он долго не выходил оттуда. Я спрятался за дверь и с нетерпением ожидал, что будет дальше.

Наконец дверь открылась, и карлик вышел. Отец проводил его до порога, почтительно поддерживая под руку, и низко поклонился ему на прощанье. Я

чувствовал себя не очень-то приятно и долго не решился вернуться домой. Наконец голод пересилил мой страх, и я робко проскользнул в дверь, не смея поднять голову.

— Ты, я слышал, обижаешь Маленького Мука, — строго сказал мне отец. — Я расскажу тебе его приключения, и ты, наверно, больше не станешь смеяться над бедным карликом. Но сначала ты получишь то, что тебе полагается.

А полагалась мне за такие дела хорошая порка. Отсчитав шлепков сколько следует, отец сказал:

— Теперь слушай внимательно.

И он рассказал мне историю Маленького Мука.

Отец Мука (на самом деле его звали не Мук, а Мукра) жил в Никее и был человек почтенный, но небогатый. Так же, как Мук, он всегда сидел дома и редко выходил на улицу. Он очень не любил Мука за то, что тот был карлик, и ничему не учил его.

— Ты уже давно сносил свои детские башмаки, — говорил он карлику, — а всё только шалишь и бездельничаешь.

Как-то раз отец Мука упал на улице и сильно ушибся. После этого он заболел и вскоре умер. Маленький Мук остался совсем один, без гроша денег. Родственники отца выгнали Мука из дому и сказали:

— Иди по свету, может и найдёшь своё счастье.

Мук выпросил себе только старые штаны и куртку — всё, что осталось после отца. Отец у него был высокий и толстый, но карлик недолго думая укоротил и куртку и штаны и надел их. Правда, они были слишком широки, но с этим уж карлик ничего не мог поделать. Он обмотал голову вместо чалмы полотенцем, прицепил к поясу кинжал, взял в руку палку и пошёл куда глаза глядят.

Скоро он вышел из города и целых два дня шёл

по большой дороге. Он очень устал и проголодался. У него не было с собой никакой пищи, и он ел одни коренья, которые росли в поле. А ночевать ему приходилось прямо на голой земле.

На третий день утром он увидел с вершины холма большой, красивый город, украшенный флагами и знамёнами. Маленький Мук собрал последние силы и пошёл к этому городу.

«Может быть, я наконец найду там своё счастье», — говорил он сам себе.

Хотя казалось, что город совсем близко, но Муку пришлось идти до него целое утро. Только в полдень он наконец достиг городских ворот. Город был весь застроен красивыми домами. Широкие улицы были полны народа. Маленькому Муку очень хотелось есть, но никто не открыл перед ним двери и не пригласил его зайти отдохнуть.

Карлик уныло брёл по улицам, еле волоча ноги. Он проходил мимо одного высокого, красивого дома, и вдруг в этом доме распахнулось окно и какая-то старуха, высунувшись, закричала:

Сюда, сюда —
Готова еда!
Столик накрыт,
Чтоб каждый был сыт.
Соседи, сюда —
Готова еда!

И сейчас же двери дома открылись, и туда стали входить собаки и кошки — много-много кошек и собак. Мук подумал, подумал и тоже вошёл. Как раз перед ним вошли двое котят, и он решил не отставать от них — котята-то, уж наверно, знали, где кухня.

Мук поднялся наверх по лестнице и увидел ту старуху, которая кричала из окна.

— Что тебе нужно? — сердито спросила старуха.

— Ты звала обедать, — сказал Мук, — а я очень голоден. Вот я и пришёл.

Старуха громко рассмеялась и сказала:

— Сткуда ты взялся, парень? Все в городе знают, что я варю обед только для моих милых кошек. А чтобы им не было скучно, я приглашаю к ним соседей.

— Накорми уж и меня заодно, — попросил Мук.

Он рассказал старухе, как ему пришлось туго, когда умер его отец, и старуха пожалела его. Она досыта накормила карлика и, когда Маленький Мук наелся и отдохнул, сказала ему:

— Знаешь что, Мук? Оставайся-ка ты у меня служить. Работа у меня лёгкая, и жить тебе будет хо-рошо.

Муку понравился кошачий обед, и он согласился. У госпожи Ахавзи (так звали старуху) было два ко-та и четыре кошки. Каждое утро Мук расчёсывал им шёрстку и натирал её драгоценными мазями. За обе-дом он подавал им еду, а вечером укладывал их спать на мягкой перине и укрывал бархатным одея-лом.

Кроме кошек, в доме жили ещё четыре собаки. За ними карлику тоже приходилось смотреть, но с со-баками возни было меньше, чем с кошками. Кошек госпожа Ахавзи любила, точно родных детей.

Маленькому Муку было у старухи так же скуч-но, как у отца: кроме кошек и собак, он никого не видел.

Сначала карлику всё-таки жилось неплохо. Рабо-ты не было почти никакой, а кормили его сытно, и старуха была им очень довольна. Но потом кошки что-то избаловались. Только старуха за дверь — они сейчас же давай носиться по комнатам как бешеные. Все вещи разбрасают, да ещё посуду дорогую пере-бьют. Но стоило им услышать шаги Ахавзи на лест-

нице, они мигом — прыг на перину, свернутся калачиком, подожмут хвосты и лежат как ни в чём не бывало. А старуха видит, что в комнате разгром, и ну ругать Маленького Мука. Пусть сколько хочет оправдывается — она больше верит своим кошкам, чем слуге. По кошкам сразу видно, что они ни в чём не виноваты.

Бедный Мук очень горевал и наконец решил уйти от старухи. Госпожа Ахавзи обещала платить ему жалованье, да всё не платила.

«Вот получу с неё жалованье, — думал Маленький Мук, — сразу уйду. Если бы я знал, где у неё спрятаны деньги, давно бы сам взял, сколько мне следует».

В доме старухи была маленькая комнатка, которая всегда стояла запертой. Муку было очень любопытно, что такое в ней спрятано. И вдруг ему пришло на ум, что в этой комнате, может быть, лежат старухины деньги. Ему ещё больше захотелось войти туда.

Как-то раз утром, когда Ахавзи ушла из дому, к Муку подбежала одна из собачонок и схватила его за полу (старуха очень не любила эту собачонку, а Мук, напротив, часто гладил и ласкал её). Собачонка тихо визжала и тянула карлика за собой. Она привела его в спальню старухи и остановилась перед маленькой дверью, которую Мук никогда раньше не замечал.

Собака толкнула дверь и вошла в какую-то комнатку. Мук пошёл за ней и застыл на месте от удивления: он оказался в той самой комнате, куда ему так давно хотелось попасть.

Вся комната была полна старых платьев и диковинной старинной посуды. Муку особенно понравился один кувшин — хрустальный, с золотыми рисунками. Он взял его в руки и начал рассматривать, и

вдруг крышка кувшина — Мук и не заметил, что кувшин был с крышкой — упала на пол и разбилась.

Бедный Мук не на шутку испугался. Теперь уж рассуждать не приходилось — надо было бежать: когда старуха вернётся и увидит, что он разбил крышку, она изобьёт его до полусмерти.

Мук в последний раз оглядел комнату, и вдруг он увидел в углу туфли. Они были очень большие и некрасивые, но его собственные башмаки совсем развалились. Муку даже понравилось, что туфли такие большие — когда он их наденет, все увидят, что он уже не ребёнок.

Он быстро скинул башмаки с ног и надел туфли. Рядом с туфлями стояла тоненькая тросточка с львиной головой.

«Эта тросточка всё равно стоит здесь без дела, — подумал Мук. — Возьму уж и тросточку кстати».

Он захватил тросточку и бегом побежал к себе в комнату. В одну минуту он надел плащ и чалму, прицепил кинжал и помчался вниз по лестнице, торопясь уйти до возвращения старухи.

Выйдя из дома, он пустился бежать и мчался без оглядки, пока не выбежал из города в поле. Тут карлик решил немного отдохнуть. И вдруг он почувствовал, что не может остановиться. Ноги у него бежали сами и тащили его, как он ни старался их задержать. Он и падать пробовал и поворачиваться — ничего не помогало. Наконец он понял, что всё дело в его новых туфлях. Это они толкали его вперёд и не давали остановиться.

Мук совсем выбился из сил и не знал, что ему делать. В отчаянии он взмахнул руками и закричал, как кричат извозчики:

— Тпру! Тпру! Стой!

И вдруг туфли сразу остановились, и бедный карлик со всего маху упал на землю.

Он до того устал, что сразу заснул. И приснился ему удивительный сон. Он увидел во сне, что маленькая собачка, которая привела его в потайную комнату, подошла к нему и сказала:

— Милый Мук, ты ещё не знаешь, какие у тебя чудесные туфли. Стоит тебе три раза повернуться на каблуке, и они перенесут тебя, куда ты захочешь. А тросточка поможет тебе искать клады. Там, где зарыто золото, она стукнет о землю три раза, а там, где зарыто серебро, она стукнет два раза.

Когда Мук проснулся, он сразу захотел проверить, правду ли сказала маленькая собачонка. Он поднял левую ногу и попробовал повернуться на правом каблуке, но упал и больно ударился носом о землю. Он попытался ещё и ещё раз и наконец научился вертеться на одном каблуке и не падать. Тогда он потуже затянул пояс, быстро перевернулся три раза на одной ноге и сказал туфлям:

— Перенесите меня в соседний город.

И вдруг туфли подняли его на воздух и быстро, как ветер, побежали по облакам. Не успел Маленький Мук опомниться, как очутился в городе, на базаре.

Он присел на завалинке около какой-то лавки и стал думать, как бы ему раздобыть хоть немного денег. У него, правда, была волшебная тросточка, но как узнать, в каком месте спрятано золото или серебро, чтобы пойти и найти его? На худой конец, он мог бы показываться за деньги, но для этого он слишком горд.

И вдруг Маленький Мук вспомнил, что он умеет теперь быстро бегать.

«Может быть, мои туфли принесут мне доход, — подумал он. — Попробую-ка я наняться к королю в скороходы».

Он спросил хозяина лавки, как пройти во дворец,

и через каких-нибудь пять минут уже подходил к дворцовым воротам. Привратник спросил его, что ему нужно, и, узнав, что карлик хочет поступить к королю на службу, повёл его к начальнику рабов. Мук низко поклонился начальнику и сказал ему:

— Господин начальник, я умею бегать быстрее всякого скорохода. Возьмите меня к королю в гонцы.

Начальник презрительно посмотрел на карлика и сказал с громким смехом:

— У тебя ножки тоненькие, как палочки, а ты хочешь поступить в скороходы! Убирайся подобру-поздорову. Я не для того поставлен начальником рабов, чтобы всякий урод надо мной потешался!

— Господин начальник, — сказал Маленький Мук, — я не смеюсь над вами. Давайте спорить, что я обгоню вашего самого лучшего скорохода.

Начальник рабов расхохотался ещё громче прежнего. Карлик показался ему до того забавным, что он решил не прогонять его и рассказать о нём королю.

— Ну ладно, — сказал он, — так уж и быть, я испытаю тебя. Ступай на кухню и готовься к состязанию. Тебя там накормят и напоят.

Потом начальник рабов отправился к королю и рассказал ему про диковинного карлика. Король захотел повеселиться. Он похвалил начальника рабов за то, что тот не отпустил Маленького Мука, и приказал ему устроить состязание вечером на большом лугу, чтобы все его приближённые могли прийти посмотреть.

Принцы и принцессы услышали, какое будет вечером интересное зрелище, и рассказали своим слугам, а те разнесли эту новость по всему дворцу. И вечером все, у кого только были ноги, пришли на луг посмотреть, как будет бегать этот хвостун-карлик.

Когда король с королевой сели на свои места, Маленький Мук вышел на середину луга и отвесил низкий поклон. Со всех сторон раздался громкий хохот. Уж очень этот карлик был смешон в своих широких шароварах и длинных-предлинных туфлях. Но Маленький Мук несколько не смутился. Он с гордым видом опёрся на свою тросточку, подбоченился и спокойно ждал скорохода.

Вот наконец появился и скороход. Начальник рабов выбрал самого быстрого из королевских бегунов. Ведь Маленький Мук сам захотел этого.

Скороход презрительно посмотрел на Мука и стал с ним рядом, ожидая знака начинать состязание.

— Раз, два, три! — крикнула принцесса Амарза, старшая дочь короля, и взмахнула платком.

Оба бегуна сорвались с места и помчались как стрела. Сначала скороход немножко обогнал карлика, но вскоре Мук настиг его и опередил. Он уже давно стоял у цели и обмахивался концом своей чалмы, а королевский скороход всё ещё был далеко. Наконец и он добежал до конца и, как мёртвый, повалился на землю. Король и королева захлопали в ладоши, и все придворные в один голос закричали:

— Да здравствует победитель — Маленький Мук!

Маленького Мука подвели к королю. Карлик низко поклонился ему и сказал:

— О могущественный король! Я сейчас показал тебе только часть моего искусства. Возьми меня к себе на службу.

— Хорошо, — сказал король. — Я назначаю тебя моим личным скороходом. Ты всегда будешь находиться при мне и исполнять мои поручения.

Маленький Мук очень обрадовался — наконец-то он нашёл своё счастье! Теперь он может жить безбедно и спокойно.

Король высоко ценил Мука и постоянно оказывал

ему милости. Он посылал карлика с самыми важными поручениями, и никто лучше Мука не умел их исполнять. Но остальные королевские слуги были недовольны. Им очень не нравилось, что ближе всех к королю стал какой-то карлик, который только и умеет, что бегать. Они то и дело сплетничали на него королю, но король не хотел их слушать. Он всё больше и больше доверял Муку и вскоре назначил его главным скороходом.

Маленького Мука очень огорчало, что придворные ему так завидуют. Он долго старался что-нибудь придумать, чтобы они его полюбили. И наконец он вспомнил про свою тросточку, о которой совсем было позабыл.

«Если мне удастся найти клад, — раздумывал он, — эти гордые господа, наверно, перестанут меня ненавидеть. Говорят, что старый король, отец теперешнего, зарыл в своём саду большие богатства, когда к его городу подступали враги. Он, кажется, так и умер, никому не сказав, где закопаны его сокровища».

Маленький Мук только об этом и думал. Он целыми днями ходил по саду с тросточкой в руках и искал золото старого короля.

Как-то раз он гулял в отдалённом углу сада, и вдруг тросточка у него в руках задрожала и три раза ударила о землю. Маленький Мук весь затрясся от волнения. Он побежал к садовнику и выпросил у него большой заступ, а потом вернулся во дворец и стал ждать, когда стемнеет. Как только наступил вечер, карлик отправился в сад и начал копать в том месте, где стукнула палочка. Заступ оказался слишком тяжёл для слабых рук карлика, и он за час выкопал яму глубиной в каких-нибудь пол-аршина.

Долго ещё трудился Маленький Мук, и наконец его заступ ударился обо что-то твёрдое. Карлик

наклонился над ямой и нащупал руками в земле какую-то железную крышку. Он поднял эту крышку и обомлел. При свете луны перед ним засверкало золото. В яме стоял большой горшок, доверху наполненный золотыми монетами.

Маленький Мук хотел вытащить горшок из ямы, но не мог: не хватило сил. Тогда он напихал в карманы и за пояс как можно больше золотых и потихоньку вернулся во дворец. Он спрятал деньги у себя в постели под периной и лёг спать, довольный и радостный.

На другое утро Маленький Мук проснулся и подумал: «Теперь всё переменится, и мои враги будут меня любить».

Он принялся раздавать своё золото направо и налево, но придворные стали только ещё больше ему завидовать. Главный повар Ахули злобно шептал:

— Смотрите, Мук делает фальшивые деньги.

Ахмед, начальник рабов, говорил:

— Он выпросил их у короля.

А казначей Архаз, самый злой враг карлика, который уже давно тайком запуская руку в королевскую сокровищницу, кричал на весь дворец:

— Карлик украл золото из королевской казны!

Чтобы наверняка узнать, откуда у Мука взялись деньги, его враги сговорились между собой и придумали такой план.

У короля был один любимый слуга, Корхуз. Он всегда подавал королю кушанья и наливал вино в его кубок. И вот как-то раз этот Корхуз пришёл к королю грустный и печальный. Король сразу заметил это и спросил:

— Что с тобой сегодня, Корхуз? Почему ты такой грустный?

— Я грустный потому, что король лишил меня своей милости, — ответил Корхуз.

— Что ты болтаешь, мой добрый Корхуз! — сказал король. — С каких это пор я лишил тебя своей милости?

— С тех пор, ваше величество, как к вам поступил ваш главный скороход, — ответил Корхуз. — Вы осыпаете его золотом, а нам, вашим верным слугам, не даёте ничего.

И он рассказал королю, что у Маленького Мука появилось откуда-то много золота и что карлик без счёту раздаёт деньги всем придворным. Король очень удивился и велел позвать к себе Архаза — своего казначея, и Ахмеда — начальника рабов. Те подтвердили, что Корхуз говорит правду. Тогда король приказал своим сыщикам потихоньку проследить и узнать, откуда карлик достаёт деньги.

На беду, у Маленького Мука как раз в этот день вышло всё золото, и он решил сходить в свою сокровищницу. Он взял заступ и отправился в сад. Сыщики, конечно, пошли за ним, Корхуз и Архаз — тоже. В ту самую минуту, когда Маленький Мук наложил полный халат золота и хотел идти обратно, они бросились на него, связали ему руки и повели к королю.

А этот король очень не любил, когда его будили среди ночи. Он встретил своего главного скорохода злой и недовольный и спросил сыщиков:

— Где вы накрыли этого бесчестного карлика?

— Ваше величество, — сказал Архаз, — мы поймали его как раз в ту минуту, когда он зарывал это золото в землю.

— Правду ли они говорят? — спросил король карлика. — Откуда у тебя столько денег?

— Милостивый король, — простодушно ответил карлик, — я ни в чём не виноват. Когда ваши люди меня схватили и связали мне руки, я не зарывал это золото в яму, а, напротив, вынимал его оттуда.

Король решил, что Маленький Мук всё лжёт, и страшно рассердился.

— Несчастный! — закричал он. — Ты сначала меня обокрал, а теперь хочешь обмануть такой глупой ложью! Казначей! Правда ли, что здесь как раз столько золота, сколько не хватает в моей казне?

— В вашей казне, милостивый король, не хватает гораздо больше, — ответил казначей. — Могу поклясться, что это золото украдено из королевской сокровищницы.

— Заковать карлика в железные цепи и посадить его в башню! — закричал король. — А ты, казначей, пойди в сад, возьми всё золото, которое найдёшь в яме, и положи его обратно в казну.

Казначей исполнил приказание короля и принёс горшок с золотом в сокровищницу. Он принялся считать блестящие монетки и пересыпать их в мешки. Наконец в горшке больше ничего не осталось. Казначей в последний раз заглянул в горшок и увидел на дне его бумажку, на которой было написано:

„Враги напали на мою страну. Я закопал в этом месте часть моих сокровищ. Пусть знает всякий, кто найдет это золото, что если он сейчас же не отдаст его моему сыну, он лишится милости своего короля.“

*Король Сади**

Хитрый казначей разорвал бумажку и решил никому не говорить про неё.

А Маленький Мук сидел в высокой дворцовой башне и думал, как ему спастись. Он знал, что за кражу королевских денег его должны казнить, но ему всё-таки не хотелось рассказывать королю про волшебную трость: ведь король сейчас же её отнимет, а с нею вместе, пожалуй, и туфли. Туфли всё

ещё были у карлика на ногах, но от них не было никакого проку — Маленький Мук был прикован к стене короткой железной цепью и никак не мог повернуться на каблуке.

Утром в башню пришёл палач и приказал карлику готовиться к казни. Маленький Мук понял, что раздумывать нечего — надо открыть королю свою тайну. Ведь всё-таки лучше жить без волшебной палочки и даже без туфель-скороходов, чем умереть на плахе.

Он попросил короля выслушать его наедине и всё ему рассказал. Король сначала не поверил и решил, что карлик всё это выдумал.

— Ваше величество, — сказал тогда Маленький Мук, — обещайте мне пощаду, и я вам докажу, что говорю правду.

Королю было интересно проверить, обманывает его Мук или нет. Он велел потихоньку закопать в своём саду несколько золотых монет и приказал Муку найти их. Карлику не пришлось долго искать. Как только он дошёл до того места, где было закопано золото, палочка три раза ударила о землю. Король понял, что казначей сказал ему неправду, и велел его казнить вместо Мука. А карлика он позвал к себе и сказал:

— Я обещал не убивать тебя и сдержу своё слово. Но ты, наверно, открыл мне не все твои тайны. Ты будешь сидеть в башне до тех пор, пока не скажешь мне, отчего ты так быстро бегаешь.

Бедному карлику очень не хотелось возвращаться в тёмную, холодную башню. Он рассказал королю про свои чудесные туфли, но самого главного — как их остановить — не сказал. Король решил сам испытать эти туфли. Он надел их, вышел в сад и, как бешеный, помчался по дорожке. Скоро он захотел остановиться, но не тут-то было. Напрасно он

хватался за кусты и деревья — туфли всё тащили и тащили его вперёд. А карлик стоял и посмеивался. Ему было очень приятно хоть немного отомстить этому жестокому королю.

Наконец король выбился из сил и упал на землю. Опомившись немного, он вне себя от ярости набросился на карлика.

— Так вот как ты обращаешься со своим королём! — закричал он. — Я обещал тебе жизнь и свободу, но если ты через двенадцать часов ещё будешь на моей земле, я тебя поймаю, и тогда уж не рассчитывай на пощаду. А туфли и тросточку я возьму себе.

Бедному карлику ничего не оставалось, как поскорей убираться из дворца. Печально поплёлся он по городу. Он был такой же бедный и несчастный, как прежде, и горько проклинал свою судьбу.

Страна этого короля была, к счастью, не очень большая, так что уже через восемь часов карлик дошёл до границы. Теперь он был в безопасности, и ему захотелось отдохнуть. Он свернул с проезжей дороги и вошёл в густой лес. Там он отыскал хорошее местечко около пруда, под густыми деревьями, и лёг на траву.

Маленький Мук так устал, что почти сейчас же заснул. Спал он очень долго и, когда проснулся, почувствовал, что голоден. Над его головой, на деревьях, висели винные ягоды — спелые, мясистые, сочные. Карлик взобрался на дерево, сорвал несколько ягод и с удовольствием съел их. Потом ему захотелось пить. Он подошёл к пруду, наклонился над водой и весь похолодел: из воды на него смотрела огромная голова с ослиными ушами и длинным-предлинным носом.

Маленький Мук в ужасе схватился за уши. Они и вправду были длинные, как у осла.

— Так мне и надо! — закричал бедный Мук. —

У меня было в руках моё счастье, а я, как осёл, погубил его.

Он долго ходил под деревьями, всё время ощупывая свои уши, и наконец опять проголодался. Пришлось снова приняться за винные ягоды. Ведь больше есть было нечего.

Наевшись досыта, Маленький Мук, по привычке, поднёс руки к голове и радостно вскрикнул: вместо длинных ушей у него опять были его собственные уши. Он сейчас же побежал к пруду и посмотрелся в воду. Нос у него тоже стал такой же, как прежде.

«Как же это могло случиться?» — подумал карлик. И вдруг он сразу всё понял: первое дерево, с которого он поел ягод, наградило его ослиными ушами, а от ягод второго они исчезли.

Маленький Мук мигом сообразил, какое ему опять привалило счастье. Он нарвал с обоих деревьев столько ягод, сколько мог снести, и пошёл обратно в страну жестокого короля.

В ту пору была весна, и всякие ягоды и плоды считались редкостью.

Вернувшись в тот город, где жил король, Маленький Мук переоделся, чтобы никто его не мог узнать, наложил полную корзину ягод с первого дерева и пошёл к королевскому дворцу. Дело было утром, и перед воротами дворца сидело много торговков со всякими припасами. Мук также уселся рядом с ними. Вскоре из дворца вышел главный повар и принялся обходить торговков и осматривать их товар. Дойдя до Маленького Мука, повар увидел винные ягоды и очень обрадовался.

— Ага, — сказал он, — вот подходящее лакомство для короля! Сколько ты хочешь за всю корзину?

Маленький Мук не стал дорожиться, и главный повар взял корзину с ягодами и ушёл. Только он успел уложить ягоды на блюдо, как король потребовал

завтрак. Он кушал с большим удовольствием и то и дело похваливал своего повара. А повар только посмеивался себе в бороду и говорил:

— Подождите, ваше величество, самое вкусное блюдо ещё впереди.

Все, кто был за столом — придворные, принцы и принцессы, — напрасно старались догадаться, какое лакомство приготовил им сегодня главный повар. И когда наконец на стол подали хрустальное блюдо, полное спелых винных ягод, все в один голос воскликнули: «Ах!» — и даже захлопали в ладоши.

Король сам взялся делить ягоды. Принцы и принцессы получили по две штуки, придворным досталось по одной, а остальные король приберёг для себя — он был очень жадный и любил сладкое. Король положил ягоды на тарелку и с удовольствием принял их есть.

— Отец, отец, — вдруг закричала принцесса Амарза, — что такое случилось с твоими ушами?

Король потрогал свои уши руками и вскрикнул от ужаса. Уши у него стали длинные, как у осла. Нос тоже вдруг вытянулся до самого подбородка. Принцы, принцессы и придворные были немногим лучше на вид: у каждого на голове появилось такое же украшение.

— Доктора, доктора скорей! — закричал король.

Сейчас же послали за докторами. Их пришла целая толпа. Они прописывали королю разные лекарства, но лекарства не помогли. Одному принцу даже сделали операцию — отрезали уши, но они снова отросли.

Маленький Мук скрывался в одном потайном месте. Дня через два он решил, что пришло время действовать. На деньги, полученные за винные ягоды, он купил себе большой чёрный плащ и высокий остроконечный колпак. Чтобы его совсем не могли узнать,

он привязал себе к подбородку длинную белую бороду. Захватив с собой корзину ягод со второго дерева, карлик пришёл во дворец и сказал, что может вылечить короля. Сначала ему никто не поверил. Тогда Мук предложил одному принцу попробовать его лечение. Принц съел несколько ягод, и длинный нос и ослиные уши у него пропали. Тут уж придворные толпой бросились к чудесному доктору. Но король опередил всех. Он молча взял карлика за руку, привёл его в свою сокровищницу и сказал:

— Вот перед тобой все мои богатства. Бери что хочешь, только вылечи меня от этой постыдной болезни.

Маленький Мук сейчас же заметил в углу комнаты свою волшебную тросточку и туфли-скороходы. Он принялся ходить взад и вперёд, словно разглядывая королевские богатства, и незаметно подошёл к туфлям. Мигом надел он их на ноги, схватил тросточку и сорвал с подбородка бороду. Король чуть не упал от удивления, увидев знакомое лицо своего главного скорохода.

— Злой король! — закричал Маленький Мук. — Так-то ты отплатил мне за мою верную службу? Оставайся же на всю жизнь длинноухим уродом и вспоминай Маленького Мука!

Он быстро повернулся три раза на каблуке и, прежде чем король успел сказать слово, был уже далеко.

С тех пор Маленький Мук живёт в нашем городе. Ты видишь, как много приключений он испытал. Его нужно уважать, хоть он с виду и смешной.

Вот какую историю рассказал мне мой отец. Я передал всё это другим мальчишкам, и ни один из нас никогда больше не смеялся над карликом. Напротив, мы его очень уважали и так низко кланялись ему на улице, словно он был начальник города или главный судья.

КАРЛИК НОС

В одном большом германском городе жил когда-то сапожник Фридрих со своей женой Ханной. Весь день он сидел у окна и клал заплатки на башмаки и туфли. Он и новые башмаки брался шить, если кто заказывал, но тогда ему приходилось сначала покупать кожу. Запастись товар заранее он не мог — денег не было.

А Ханна продавала на рынке плоды и овощи со своего маленького огорода. Она была женщина опрятная и умела красиво разложить товар, поэтому у неё всегда было много покупателей.

У Ханны и Фридриха был сын Яков — стройный, красивый мальчик, довольно высокий для своих двенадцати лет. Обыкновенно он сидел возле матери на базаре. Когда какой-нибудь повар или кухарка покупали у Ханны сразу много овощей, Яков помогал им донести покупку до дому и редко возвращался назад с пустыми руками. Покупатели Ханны любили хоро-

шенького мальчика и почти всегда дарили ему что-нибудь: цветок, пирожное или монетку.

Однажды Ханна, как всегда, торговала на базаре. Перед ней стояло несколько корзин с капустой, картошкой, кореньями и всякой зеленью. Тут же, в маленькой корзинке, красовались ранние груши, яблоки, абрикосы.

Яков сидел возле матери и громко кричал:

— Сюда, сюда, повара, кухарки! Вот хорошая капуста, зелень, груши, яблоки! Кому надо? Мать дёшево отдаст!

И вдруг к ним подошла какая-то бедно одетая старуха с маленькими красными глазками, острым, сморщенным от старости личиком и длинным-предлинным носом, который спускался до самого подбородка. Старуха опиралась на костыль, и удивительно было, что она вообще может ходить: она хромала, скользила и переваливалась, точно у неё на ногах были колёса. Казалось, вот-вот она упадёт и ткнётся своим острым носом в землю.

Ханна с любопытством смотрела на старуху. Вот уже без малого шестнадцать лет, как она торгует на базаре, а такой чудной старушонки ещё ни разу не видела. Ей даже немного жутко стало, когда старуха остановилась возле её корзин.

— Это вы Ханна, торговка овощами? — спросила старуха скрипучим голосом, всё время тряся головой.

— Да, — ответила жена сапожника. — Вам угодно что-нибудь купить?

— Увидим, увидим, — пробормотала себе под нос старуха. — Зелень поглядим, корешки посмотрим. Есть ли ещё у тебя то, что мне нужно...

Она нагнулась и стала шарить своими длинными коричневыми пальцами в корзине с пучками зелени, которые Ханна разложила так красиво и аккуратно.

Возьмёт пучок, поднесёт к носу и обнюхивает со всех сторон, а за ним — другой, третий.

У Ханны прямо сердце разрывалось — до того ей тяжело было смотреть, как старуха обращается с её зеленью. Но она не могла сказать ей ни слова — покупатель ведь имеет право осматривать товар. Кроме того, она всё больше и больше боялась этой старухи.

Переворошив всю зелень, старуха выпрямилась и проворчала:

— Плохой товар!.. Плохая зелень!.. Ничего нет из того, что мне нужно. Пятьдесят лет назад было куда лучше!.. Плохой товар! Плохой товар!

Эти слова рассердили маленького Якова.

— Эй ты, бессовестная старуха! — крикнул он. — Перенюхала всю зелень своим длинным носом, перемяла корешки корявыми пальцами, так что теперь их никто не купит, и ещё ругаешься, что плохой товар! У нас сам герцогский повар покупает!

Старуха искоса поглядела на мальчика и сказала хриплым голосом:

— Тебе не нравится мой нос, мой прекрасный длинный нос? И у тебя такой же будет, до самого подбородка.

Она подкатилась к другой корзине — с капустой, вынула из неё несколько чудесных, белых кочанов и так сдавила их, что они жалобно затрещали. Потом она кое-как побросала кочаны обратно в корзину и снова проговорила:

— Плохой товар! Плохая капуста!

— Да не тряси ты так противно головой! — закричал Яков. — У тебя шея не толще кочерыжки — того и гляди, обломится, и твоя голова упадёт в нашу корзину. Кто у нас тогда что купит?

— Так у меня, по-твоему, слишком тонкая шея? — сказала старуха, всё так же усмехаясь. — Ну, а ты

будешь совсем без шеи. Голова у тебя будет торчать прямо из плеч — по крайней мере, не свалится с тела.

— Не говорите мальчику таких глупостей! — сказала наконец Ханна, не на шутку рассердившись. — Если вы хотите что-нибудь купить, так покупайте скорей. Вы у меня разгоните всех покупателей.

Старуха сердито поглядела на Ханну.

— Хорошо, хорошо, — проворчала она, — пусть будет по-твоему. Я возьму у тебя эти шесть кочанов капусты. Но только у меня в руках костыль, и я не могу сама ничего нести. Пусть твой сын донесёт мне покупку до дому. Я его хорошо награжу за это.

Якову очень не хотелось идти, и он даже заплакал — он боялся этой страшной старухи. Но мать строго приказала ему слушаться — ей казалось грешно заставлять старую, слабую женщину нести такую тяжесть. Вытирая слёзы, Яков положил капусту в корзину и пошёл следом за старухой.

Она брела не очень-то скоро, и прошёл почти час, пока они добрались до какой-то дальней улицы на окраине города и остановились перед маленьким, полуразвалившимся домиком. Старуха вынула из кармана какой-то заржавленный крючок, ловко всунула его в дырочку в двери, и вдруг дверь с шумом распахнулась. Яков вошёл и застыл на месте от удивления: потолок и стены в доме были мраморные, кресла, стулья и столы — из чёрного дерева, украшенного золотом и драгоценными камнями, а пол был стеклянный и до того гладкий, что Яков несколько раз поскользнулся и упал.

Старуха приложила к губам маленький серебряный свисток и как-то по-особенному, раскатисто, свистнула — так, что свисток затрещал на весь дом. И сейчас же по лестнице быстро сбежали вниз морские свинки, — совсем необыкновенные морские свинки, которые ходили на двух лапках. Вместо башмаков у

них были ореховые скорлупки, и одеты эти свинки были совсем как люди — даже шляпы не забыли захватить.

— Куда вы девали мои туфли, негодницы! — закричала старуха и так ударила свинок палкой, что они с визгом подскочили. — Долго ли я ещё буду здесь стоять?..

Свинки бегом побежали вверх по лестнице, принесли две скорлупки кокосового ореха на кожаной подкладке и ловко надели их старухе на ноги.

Старуха сразу перестала хромать. Она отшвырнула свою палку в сторону и быстро-быстро заскользила по стеклянному полу, таща за собой маленького Якова. Ему было даже трудно поспевать за ней, до того проворно она двигалась в своих кокосовых скорлупках.

Наконец старуха остановилась в какой-то комнате, где было много всякой посуды. Это, видимо, была кухня, хотя полы в ней были устланы коврами, а на диванах лежали вышитые подушки, как в каком-нибудь дворце.

— Садись, сынок, — ласково сказала старуха и усадила Якова на диван, пододвинув к дивану стол, чтобы Яков не мог никуда уйти со своего места. — Отдохни хорошенько — ты, наверно, устал. Ведь человеческие головы — не лёгкая ноша.

— Что вы такое чудное говорите! — закричал Яков. — Устать-то я и вправду устал, но я нёс не головы, а кочаны капусты. Вы купили их у моей матери.

— Это ты неверно говоришь, — сказала старуха и засмеялась.

И, раскрыв корзинку, она вытащила из неё за волосы человеческую голову.

Яков чуть не упал, до того испугался. Он сейчас же подумал о своей матери. Ведь если кто-нибудь

узнает про эти головы, на неё мигом донесут, и ей придётся плохо.

— Нужно тебя ещё наградить за то, что ты такой послушный, — продолжала старуха. — Потерпи немного: я сварю тебе такой суп, что ты его до смерти вспоминать будешь.

Она снова свистнула в свой свисток, и на кухню примчались морские свинки, одетые как люди: в передниках, с поварёшками и кухонными ножами за поясом. За ними прибежали белки — много белок, тоже на двух ногах; они были в широких шароварах и зелёных бархатных шапочках. Это, видно, были поварята. Они быстро-быстро карабкались по стенам и приносили к плите миски и сковородки, яйца, масло, коренья и муку. А у плиты суетилась, катаясь взад и вперёд на своих кокосовых скорлупках, сама старуха — ей, видно, очень хотелось сварить для Якова что-нибудь хорошее. Огонь под плитой разгорался всё сильнее, на сковородках что-то шипело и дымилось, по комнате разносился приятный, вкусный запах. Старуха металась то туда, то сюда и то и дело совала в горшок с супом свой длинный нос, чтобы посмотреть, не готово ли кушанье.

Наконец в горшке что-то заклокотало и забулькало, из него повалил пар, и на огонь полилась густая пена.

Тогда старуха сняла горшок с плиты, отлила из него супу в серебряную миску и поставила миску перед Яковым.

— Кушай, сынок, — сказала она. — Поешь этого супу и будешь такой же красивый, как я. И поваром хорошим сделаешься — надо же тебе знать какое-нибудь ремесло.

Яков не очень хорошо понимал, что это старуха бормочет себе под нос, да и не слушал её — больше был занят супом. Мать часто стряпала для него

всякие вкусные вещи, но ничего лучше этого супа ему ещё не приходилось пробовать. От него так хорошо пахло зеленью и кореньями, он был одновременно и сладкий и кисловатый и к тому же очень крепкий.

Когда Яков почти что доел суп, свинки зажгли на маленькой жаровне какое-то куренье с приятным запахом, и по всей комнате поплыли облака голубоватого дыма. Он становился всё гуще и гуще, всё плотней и плотней окутывал мальчика, так что у Якова наконец закружилась голова. Напрасно говорил он себе, что ему пора возвращаться к матери, напрасно пытался встать на ноги. Стоило ему приподняться, как он снова падал на диван — до того ему вдруг захотелось спать. Не прошло и пяти минут, как он и вправду заснул на диване, в кухне безобразной старухи.

И увидел Яков удивительный сон. Ему приснилось, будто старуха сняла с него одежду и завернула его в беличью шкурку. Он научился прыгать и скакать, как белка, и подружился с другими белками и свинками. Все они были очень хорошие.

И стал Яков, как они, прислуживать старухе. Сначала ему пришлось быть чистильщиком обуви. Он должен был смазывать маслом кокосовые скорлупки, которые старуха носила на ногах, и так натирать их тряпочкой, чтобы они блестели. Дома Якову часто приходилось чистить туфли и башмаки, так что дело быстро пошло у него на лад.

Примерно через год его перевели на другую, более трудную должность. Вместе с несколькими другими белками он вылавливал пылинки из солнечного луча и просеивал их сквозь самое мелкое сито, а потом из них пекли для старухи хлеб. У неё во рту не осталось ни одного зуба, потому-то ей и приходилось есть булки из солнечных пылинок, мягче которых, как все знают, нет ничего на свете.

Ещё через год Якову было поручено добывать старухе воду для питья. Вы думаете, у неё был вырыт на дворе колодец или поставлено ведро, чтобы собирать в него дождевую воду? Нет, простой воды старуха и в рот не брала. Яков с белками собирал в ореховые скорлупки росу с цветов, и старуха только её и пила. А пила она очень много, так что работы у водоносов было по горло.

Прошёл ещё год, и Яков перешёл служить в комнаты — чистить полы. Это тоже оказалось не очень-то лёгким делом: полы-то ведь были стеклянные — на них дохнёшь, и то видно. Яков чистил их щётками и натирал суконкой, которую навёртывал себе на ноги.

На пятый год Яков стал работать на кухне. Это была работа почётная, к которой допускали с разбором, после долгого испытания. Яков прошёл все должности, от поварёнка до старшего пирожного мастера, и стал таким опытным и искусным поваром, что даже сам себе удивлялся. Чего только он не выучился стряпать! Самые замысловатые кушанья — пирожное двухсот сортов, супы из всех трав и корней, какие есть на свете, — всё он умел приготовить быстро и вкусно.

Так Яков прожил у старухи лет семь. И вот однажды она надела на ноги свои ореховые скорлупки, взяла костыль и корзину, чтобы идти в город, и приказала Якову ощипать курицу, начинить её зеленью и хорошенько подрумянить. Яков сейчас же принялся за работу. Он свернул птице голову, ошпарил её всю кипятком, ловко ощипал с неё перья, выскоблил кожу, так что она стала нежная и блестящая, и вынул внутренности. Потом ему понадобились травы, чтобы начинить ими курицу. Он пошёл в кладовую, где хранилась у старухи всякая зелень, и принялся отбирать то, что ему было нужно. И вдруг он увидел в стене

кладовой маленький шкафчик, которого раньше ни когда не замечал. Дверца шкафчика была приоткрыта. Яков с любопытством заглянул в него и видит — там стоят какие-то маленькие корзиночки. Он открыл одну из них и увидел в ней диковинные травы, какие ему ещё никогда не попадались. Стебли у них были зеленоватые, и на каждом стебельке — яркочерный цветочек с жёлтым ободком. Яков поднёс один цветок к носу и вдруг почувствовал знакомый запах — такой же, как у супа, которым старуха накормила его, когда он к ней пришёл. Запах был до того сильный, что Яков громко чихнул несколько раз и проснулся.

Он с удивлением осмотрелся кругом и увидел, что лежит на том же диване, в кухне у старухи.

«Ну и сон же это был! Прямо будто наяву! — подумал Яков. — Вот-то матушка посмеётся, когда я ей всё это расскажу! И попадёт же мне от неё за то, что я заснул в чужом доме, вместо того чтобы вернуться к ней на базар!»

Он быстро вскочил с дивана и хотел бежать к матери, но почувствовал, что всё тело у него точно деревянное, а шея так совсем окоченела — он еле-еле мог шевельнуть головой. Он то и дело задевал носом за стену или за шкаф, а раз, когда быстро повернулся, даже больно ударился о дверь.

Белки и свинки бегали вокруг Якова и пищали — видно, им не хотелось его отпустить. Выходя из дома старухи, Яков поманил их за собой — ему тоже было жалко с ними расставаться, — но они быстро укатили назад в комнаты на своих скорлупках, и мальчик долго ещё слышал издали их жалобный писк.

Домик старухи, как мы уже знаем, был далеко от рынка, и Яков долго пробирался узкими, извилистыми переулками, пока не добрался до рынка. На улицах толпилось очень много народу. Где-то поблизо-

сти, наверное, показывали карлика, потому что все вокруг Якова кричали:

— Посмотрите, вот безобразный карлик! Откуда он взялся, этот карлик? Ну и длинный же у него нос! А голова — прямо на плечах торчит, без шеи! А руки-то, руки! Поглядите — до самых пяток!

Яков в другое время с удовольствием сбегал бы поглядеть на карлика, но сегодня ему было не до того — надо было спешить к матери.

Наконец Яков добрался до рынка. Он порядком побаивался, что ему попадёт от матери. Ханна всё ещё сидела на своём месте, и у неё в корзине было порядочно овощей — значит, Яков проспал не особенно долго. Уже издали он заметил, что его мать чем-то опечалена. Она сидела молча, подперев рукой щёку, бледная и грустная.

Яков долго стоял, не решаясь подойти к матери. Наконец он собрался с духом и, подкравшись к ней сзади, положил ей руку на плечо и сказал:

— Мама, что с тобой? Ты на меня сердисься?

Ханна обернулась и, увидев Якова, вскрикнула от ужаса.

— Что тебе нужно от меня, страшный карлик? — закричала она. — Уходи, уходи! Я не терплю таких шуток!

— Что ты, матушка? — испуганно сказал Яков. — Ты, наверно, нездорова. Почему ты гонишь меня?

— Говорю тебе, уходи своей дорогой! — сердито крикнула Ханна. — От меня ты ничего не получишь за твои шуточки, противный урод!

«Она сошла с ума! — подумал бедный Яков. — Как мне теперь увести её домой?».

— Мамочка, посмотри же на меня хорошенько, — сказал он чуть не плача. — Я ведь твой сын Яков!

— Нет, это уж слишком! — закричала Ханна,

обращаясь к своим соседкам. — Посмотрите на этого ужасного карлика! Он отпугивает всех покупателей, да ещё смеётся над моим горем! Говорит — я твой сын, твой Яков, негодяй этакий!

Торговки, соседки Ханны, разом вскочили на ноги и принялись ругать Якова:

— Как ты смеешь шутить над её горем! Её сына украли семь лет назад. А какой мальчик был — прямо картинка! Убирайся сейчас же, не то мы тебе глаза выцарапаем!

Бедный Яков не знал, что подумать. Ведь он же сегодня утром пришёл с матерью на базар и помог ей разложить овощи, потом отнёс к старухе домой капусту, зашёл к ней, поел у неё супу, немного поспал и вот теперь вернулся. А торговки говорят про какие-то семь лет. И его, Якова, называют противным карликом. Что же с ними такое случилось?

Со слезами на глазах побрёл Яков с рынка. Раз мать не хочет его признавать, он пойдёт к отцу.

«Посмотрим, — думал Яков. — Неужели и отец тоже прогонит меня? Я стану у двери и заговорю с ним».

Он подошёл к лавке сапожника, который, как всегда, сидел там и работал, стал возле двери и заглянул в лавку. Фридрих был так занят работой, что сначала не заметил Якова. Но вдруг он случайно поднял голову, выронил из рук шило и дратву и вскрикнул:

— Что это такое? Что такое?

— Добрый вечер, хозяин, — сказал Яков и вошёл в лавку. — Как поживаете?

— Плохо, сударик мой, плохо! — ответил сапожник, который тоже, видно, не узнал Якова. — Работа совсем не ладится. Мне уже много лет, а я один — чтобы нанять подмастерья, денег не хватает.

— А разве у вас нет сына, который мог бы вам помочь? — спросил Яков.

— Был у меня один сын, Яковом его звали, — ответил сапожник. — Теперь было бы ему годков двадцать. Он бы здорово поддержал меня. Ведь ему всего двенадцать лет было, а такой был умница! И в ремесле уже кое-что смекал и красавец был писанный. Он бы уж сумел приманить заказчиков, не пришлось бы мне теперь класть заплатки — одни бы новые башмаки шил. Да уж, видно, моя судьба такая!

— А где же теперь ваш сын? — робко спросил Яков.

— Про то один господь знает, — ответил с тяжёлым вздохом сапожник. — Вот уже семь лет прошло, как его увели от нас на базаре.

— Семь лет! — с ужасом повторил Яков.

— Да, сударь мой, семь лет. Как сейчас помню, жена прибежала с базара, воеет, кричит: уж вечер, а дитя не вернулось. Она целый день его искала, всех спрашивала, не видали ли, — и не нашла. Я всегда говорил, что этим кончится. Наш Яков — что правда, то правда — был пригожий ребёнок, жена гордилась им и частенько посылала его отнести добрым людям овощи или что другое. Грех сказать — его всегда хорошо награждали, но я частенько говорил жене: «Смотри, Ханна! Город большой, в нём много злых людей живёт. Как бы чего не случилось с нашим Яковом!» Так и вышло! Пришла в тот день на базар какая-то женщина, старая, безобразная, выбирала, выбирала товар и столько в конце концов накупила, что самой не отнести. Ханна, добрая душа, и пошли с ней мальчика. Так мы его больше и не видали.

— И, значит, с тех пор прошло семь лет?

— Весной семь будет. Уж мы и объезжали о нём и по людям ходили, спрашивали про мальчишку — его ведь многие знали, все его, красавчика, любили, — но сколько ни искали его, так и не нашли. И женщину ту, что у Ханны овощи покупала, никто с тех пор

не видал. Одна древняя старуха — девяносто уже лет на свете живет — говорила Ханне, что это, может быть, злая колдунья Крейтервейс, что приходит в город раз в пятьдесят лет закупать провизию.

Так рассказывал отец Якова, постукивая молотком по сапогу и вытягивая длинную вощёную дратву. Теперь наконец Яков понял, что с ним случилось. Значит, он не во сне это видел, а вправду семь лет был белкой и служил у злой колдуньи. У него прямо сердце разрывалось с досады. Семь лет жизни у него украли старуха, а что он за это получил? Научился чистить кокосовые скорлупки и натирать стеклянные полы да всякие вкусные кушанья выучился готовить!

Долго стоял он на пороге лавки, не говоря ни слова. Наконец сапожник спросил его:

— Может быть, вам что-нибудь у меня приглянулось, сударь? Не возьмёте ли пару туфель или хотя бы, — тут он вдруг прыснул со смеху, — футляра для носа?

— А что такое с моим носом? — сказал Яков. — Зачем мне для него футляр?

— Воля ваша, — ответил сапожник, — но будь у меня такой ужасный нос, я бы, осмелюсь сказать, прятал его в футляр — в хероший футляр из розовой лайки. Взгляните, у меня как раз есть подходящий кусочек. Правда, на ваш нос понадобится немало кожи. Но как вам будет угодно, сударик мой. Ведь вы, верно, частенько задеваете носом за двери.

Яков ни слова не мог сказать от удивления. Он пощупал свой нос — нос был толстый и длинный, четверти в две, не меньше. Видно, злая старуха превратила его в урода. Вот почему мать не узнала его.

— Хозяин, — чуть не плача, сказал он, — нет ли у вас здесь зеркала? Мне нужно посмотреться в зеркало, обязательно нужно.

— Сказать по правде, сударь, — ответил сапожник, — не такая у вас наружность, чтобы было чем гордиться. Незачем вам каждую минуту глядеться в зеркало. Бросьте эту привычку — уж вам-то она совсем не к лицу.

— Дайте, дайте мне скорей зеркало! — взмолился Яков. — Уверяю вас, мне очень нужно. Я, правда, не из гордости...

— Да ну вас совсем! Нет у меня зеркала! — рассердился сапожник. — У жены было одно малюсенькое, да не знаю, куда она его задевала. Если уж вам так не терпится на себя посмотреть — вон напротив лавка цирюльника Урбана. У него есть зеркало, раза в два больше вас. Глядитесь в него сколько душе угодно. А затем — пожелаю вам доброго здоровья.

И сапожник легонько вытолкнул Якова из лавки и захлопнул за ним дверь. Яков быстро перешёл через улицу и вошёл к цирюльнику, которого он раньше хорошо знал.

— Доброе утро, Урбан, — сказал он. — У меня к вам большая просьба: будьте добры, позвольте мне посмотреться в ваше зеркало.

— Сделайте одолжение. Вон оно стоит в левом простенке! — крикнул Урбан и громко расхохотался. — Полюбуйтесь, полюбуйтесь на себя, вы ведь настоящий красавчик — тоненький, стройный, шея лебединая, руки словно у королевы, а носик курносенький, — лучше нет на свете! Вы, конечно, немножко им щеголяете, ну да всё равно, посмотрите на себя. Пусть не говорят, что я из зависти не позволил вам посмотреться в моё зеркало.

Посетители, которые пришли к Урбану бриться и стричься, оглушительно хохотали, слушая его шутки. Яков подошёл к зеркалу и невольно отшатнулся. Слезы выступили у него на глазах. Неужели это он,

этот уродливый карлик! Глаза у него стали маленькие, как у свиньи, огромный нос свешивался ниже подбородка, а шеи как будто и совсем не было. Голова глубоко ушла в плечи, и он почти совсем не мог её повернуть. А ростом он был такой же, как семь лет назад, — совсем маленький. Другие мальчишки за эти годы выросли вверх, а Яков рос в ширину. Spина и грудь у него были широкие-преширокие, и он был похож на большой, плотно набитый мешок. Тоненькие, коротенькие ножки едва несли его тяжёлое тело. А руки с крючковатыми пальцами были, наоборот, длинные, как у взрослого мужчины, и свисали почти до земли. Таков был теперь бедняга Яков.

«Да, — подумал он, глубоко вздыхая, — немудрено, что ты не узнала своего сына, матушка! Не таков он был раньше, когда ты любила похвастать им перед соседками!»

Ему вспомнилось, как старуха подошла в то утро к его матери. Всё, над чем он тогда смеялся, — и длинный нос и безобразные пальцы, — получил он от старухи за свои насмешки. А шею она у него отняла, как обещала...

— Ну что, вдоволь насмотрелись на себя, мой красавчик? — спросил со смехом Урбан, подходя к зеркалу и оглядывая Якова с головы до ног. — Честное слово, такого смешного карлика и во сне не увидишь. Знаете, малыш, я хочу вам предложить одно дело. В моей цирюльне бывает порядочно народу, но не так много, как раньше. А всё потому, что мой сосед, цирюльник Шаум, раздобыл себе где-то великана, который приманивает к нему посетителей. Ну, стать великаном, вообще говоря, уж не так хитро, а вот такой крошка, как вы, — это другое дело. Поступайте ко мне на службу, малыш. И жильё, и пищу, и одежду — всё от меня будете получать, а работы-то всего — стоять у дверей цирюльни и зазывать народ.

Да, пожалуй, ещё взбивать мыльную пену и подавать полотенце. И, наверняка вам скажу, мы оба останемся в выгоде: у меня будет больше посетителей, чем у Шаума с его великаном, а вам каждый ещё на чаёк даст.

Яков в душе очень обиделся, — как это ему предлагают быть приманкой в цирюльне! — но что поделаешь, приходилось стерпеть это оскорбление. Он спокойно ответил, что слишком занят и не имеет времени для такой работы, и ушёл.

Хотя тело у Якова было изуродовано, но голова работала хорошо, как прежде. Он почувствовал, что за эти семь лет сделался совсем взрослым.

«Не то беда, что я стал уродом, — размышлял он, идя по улице. — Обидно, что отец и мать прогнали меня от себя, как собаку. Попробую ещё раз поговорить с матерью. Может быть, она меня всё-таки узнает».

Он снова отправился на рынок и, подойдя к Ханне, попросил её спокойно выслушать, что он хочет ей сказать. Он напомнил ей, как его увела старуха, перечислил всё, что случилось с ним в детстве, и рассказал, что семь лет прожил у колдуньи, которая превратила его сначала в белку, а потом в карлика за то, что он над ней посмеялся.

Ханна не знала, что ей и думать. Всё, что говорил карлик про своё детство, было правильно, но чтобы он семь лет был белкой — этому она поверить не могла.

— Это невозможно! — воскликнула она.

Наконец Ханна решила посоветоваться со своим мужем.

Она собрала свои корзины и предложила Якову пойти вместе с ней в лавку сапожника. Когда они пришли, Ханна сказала мужу:

— Этот карлик говорит, что он наш сын Яков. Он

мне рассказал, что его семь лет назад у нас украли и заколдовала волшебница.

— Ах, вот как! — сердито перебил её сапожник. — Он тебе, значит, всё это рассказал? Подожди, глупая! Я сам ему только что рассказывал про нашего Якова, а он, вишь, прямо к тебе, и давай тебя дурачить. Так тебя, говоришь, заколдовали? А ну-ка, я тебя сейчас расколдую.

И сапожник схватил ремень и, подскочив к Якову, так отхлестал его, что тот с громким плачем выскочил из лавки.

Целый день бродил бедный карлик по городу не евши, не пивши. Никто не пожалел его, и все над ним только смеялись. Ночевать ему пришлось на церковной лестнице, прямо на жёстких, холодных ступеньках.

Как только взошло солнце, Яков встал и опять пошёл бродить по улицам.

«Как же я буду жить дальше? — думал он. — Быть вывеской у цирюльника или показываться за деньги я не хочу, а мать и отец меня прогнали. Что же мне придумать, чтобы не умереть с голоду?».

И тут Яков вспомнил, что пока он был белкой и жил у старухи, ему удалось научиться хорошо стряпать. И он решил поступить поваром к герцогу.

А герцог, правитель той страны, был известный объедала и лакомка. Он больше всего любил хорошо поесть и выписал себе поваров со всех концов земли.

Яков подождал немного, пока совсем рассвело, и направился к герцогскому дворцу.

Громко стучало у него сердце, когда он подошёл к дворцовым воротам. Привратники спросили его, что ему нужно, и начали над ним потешаться, но Яков не растерялся и сказал, что хочет видеть главного начальника кухни. Его повели какими-то дворами, и

все, кто его только видел из герцогских слуг, бежали за ним и громко хохотали.

Скоро у Якова образовалась огромная свита. Конюхи побросали свои скребницы, мальчишки мчались наперегонки, чтобы не отстать от него, полотёры перестали выколачивать ковры. Все теснились вокруг Якова, и на дворе стоял такой шум и гомон, словно к городу подступили враги. Всюду слышались крики:

— Карлик! Карлик! Видели вы карлика?

Наконец на двор вышел дворцовый смотритель — заспанный толстый человек с огромной плёткой в руке.

— Эй вы, собаки! Что это за шум? — закричал он громовым голосом, немилосердно колотя своей плёткой по плечам и спинам конюхов и прислужников. — Не знаете вы разве, что герцог ещё спит?

— Господин, — отвечали привратники, — посмотрите, кого мы к вам привели! Настоящего карлика! Такого вы ещё, наверное, никогда не встречали.

Увидев Якова, смотритель сделал страшную гримасу и как можно плотнее сжал губы, чтобы не рассмеяться, — важность не позволяла ему хохотать перед конюхами. Он разогнал собравшихся своей плеткой и, взяв Якова за руку, ввёл его во дворец и спросил, что ему нужно. Услышав, что Яков хочет видеть начальника кухни, смотритель воскликнул:

— Неправда, сынок! Это я тебе нужен, дворцовый смотритель. Ты ведь хочешь поступить к герцогу в карлики, не так ли?

— Нет, господин, — ответил Яков. — Я хороший повар и умею готовить всякие редкостные кушанья. Отведите меня, пожалуйста, к начальнику кухни. Может быть, он согласится испытать моё искусство.

— Твоя воля, малыш, — ответил смотритель, — ты ещё, видно, глупый парень. Будь ты придворным

карликом, ты мог бы ничего не делать, есть, пить, веселиться и ходить в красивой одежде, а ты хочешь на кухню! Но мы ещё посмотрим. Едва ли ты достаточно искусный повар, чтобы готовить кушанья самому герцогу, а для поварёнка ты слишком хорош.

Сказав это, смотритель отвёл Якова к начальнику кухни. Карлик низко поклонился ему и сказал:

— Милостивый господин, не нужен ли вам искусный повар?

Начальник кухни оглядел Якова с головы до ног и громко расхохотался.

— Ты хочешь быть поваром? — воскликнул он. — Что же, ты думаешь, у нас в кухне плиты такие низенькие? Ведь ты ничего на них не увидишь, даже если поднимешься на цыпочки. Нет, мой маленький друг, тот, кто тебе посоветовал поступить ко мне поваром, сыграл с тобой скверную шутку.

И начальник кухни снова расхохотался, а за ним — дворцовый смотритель и все те, кто был в комнате. Яков, однако, не смутился.

— Господин начальник кухни! — сказал он. — Вам, наверно, не жалко погубить одно-два яйца, немного муки, вина и приправ. Поручите мне приготовить какое-нибудь вкусное блюдо и велите подать всё, что мне для этого нужно. Я состряпаю кушанье быстро, у всех на глазах, и вы скажете: «Вот это настоящий повар!»

Долго уговаривал он начальника кухни, поблёскивая своими маленькими глазками и убедительно качая головой. Наконец начальник согласился.

— Ладно! — сказал он. — Давай попробуем шутки ради! Идёмте все на кухню — и вы тоже, господин смотритель дворца.

Он взял дворцового смотрителя под руку и приказал Якову следовать за собой. Долго шли они по каким-то большим, роскошным комнатам и длинным

коридорам и наконец пришли на кухню. Это было высокое, просторное помещение с огромной плитой на двадцать конфорок, под которыми день и ночь горел огонь. Посреди кухни был бассейн с водой, в котором держали живую рыбу, а по стенам стояли мраморные и деревянные шкафчики, полные драгоценной посуды. Рядом с кухней, в десяти громадных кладовых, хранились всевозможные припасы и лакомства. Повара, поварята, судомойки носились по кухне взад и вперёд, гремя кастрюлями, сковородками, ложками и ножами. При появлении начальника кухни все замерли на месте, и в кухне сделалось совсем тихо; только огонь продолжал потрескивать под плитой и вода по-прежнему журчала в бассейне.

— Что заказал сегодня господин герцог к первому завтраку? — спросил начальник кухни главного заведующего завтраками — старого, толстого повара в высоком колпаке.

— Его светлость изволили заказать датский суп с красными гамбургскими клёцками, — почтительно ответил повар.

— Хорошо, — продолжал начальник кухни. — Ты слышал, карлик, чего господин герцог хочет покушать? Можно ли тебе доверить такие трудные блюда? Гамбургских клёцок тебе ни за что не состряпать. Это тайна наших поваров.

— Нет ничего легче, — ответил карлик (когда он был белкой, ему часто приходилось стряпать для старухи эти кушанья). — Для супа дайте мне таких-то и таких-то трав и пряностей, сала дикого кабана, яиц и кореньев. А для клёцок, — он заговорил тише, чтобы его не слышал никто, кроме начальника кухни и заведующего завтраками, — а для клёцок мне нужны четыре сорта мяса, немножко пива, гусиный жир, имбирь и трава, которая называется «утешение желудка».

— Клянусь честью, правильно! — закричал удивлённый повар. — Какой это чародей учил тебя стряпать? Ты всё до тонкости перечислил. А про травку «утешение желудка» я и сам в первый раз слышу от тебя. С нею клёцки, наверно, ещё лучше выйдут. Ты прямо чудо, а не повар!

— Вот никогда бы не подумал этого! — сказал начальник кухни. — Однако сделаем испытание. Дайте ему припасы, посуду и всё, что требуется, и пусть приготовит герцогу завтрак.

Поварята исполнили его приказание, но когда на плиту поставили всё, что было нужно, и карлик хотел приняться за стряпню, оказалось, что он едва достаёт до верха плиты кончиком своего длинного носа. Пришлось пододвинуть к плите стул, карлик взобрался на него и начал готовить. Повара, поварята, судомойки плотным кольцом окружили карлика и, широко раскрыв глаза от удивления, смотрели, как проворно и ловко он со всем управляется.

Подготовив кушанья к варке, карлик велел поставить обе кастрюли на огонь и не снимать их, пока он не прикажет. Потом он начал считать: «Раз, два, три, четыре», и, досчитав ровно до пятисот, крикнул: «Довольно!»

Поварята сдвинули кастрюли с огня, и карлик предложил начальнику кухни отведать его стряпни. Главный повар приказал подать золотую ложку, сплоснул её в бассейне и передал начальнику кухни. Тот торжественно подошёл к плите, снял крышки с дымящихся кастрюль и попробовал суп и клёцки. Проглотив ложку супа, он зажмурил глаза от наслаждения, несколько раз прищёлкнул языком и сказал:

— Прекрасно, прекрасно, клянусь честью! Не хотите ли и вы убедиться, господин дворцовый смотритель?

Смотритель дворца с поклоном взял ложку, попробовал и чуть не подскочил от удовольствия.

— Я не хочу вас обидеть, дорогой заведующий завтраками, — сказал он, — вы прекрасный, опытный повар, но такого супа и таких клёцок вам состряпать ещё не удавалось.

Повар тоже попробовал оба кушанья, почтительно пожал карлику руку и сказал:

— Малыш, ты — великий мастер! Твоя травка «утешение желудка» придаёт супу и клёцкам особенный вкус.

В это время в кухне появился слуга герцога и потребовал завтрак для своего господина. Кушанье тотчас же положили на серебряные тарелки и послали наверх. Начальник кухни, очень довольный, увёл карлика в свою комнату и хотел его расспросить, кто он и откуда явился. Но только что они уселись и начали беседовать, как за начальником пришёл посланный от герцога и сказал, что герцог его зовёт. Начальник кухни поскорее надел своё лучшее платье и отправился вслед за посланным в столовую.

Герцог сидел там, развалясь в своём глубоком кресле. Он дочиста съел всё, что было на тарелках, и вытирал губы шёлковым платком. Его лицо сияло, и он сладко жмурился от удовольствия.

— Послушай-ка, — сказал он, увидев начальника кухни, — я всегда был очень доволен твоей стряпнёй, но сегодня завтрак был особенно вкусен. Скажи мне, как зовут повара, который его готовил: я pošлю ему несколько дукатов в награду.

— Господин, сегодня случилась удивительная история, — сказал начальник кухни.

И он рассказал герцогу, как к нему привели утром карлика, который непременно хочет стать дворцовым поваром. Герцог, выслушав его рассказ, очень удивился. Он велел позвать карлика и стал его расспра-

шивать, кто он такой. Бедному Якову не хотелось говорить, что он семь лет был белкой и служил у старухи, но лгать он тоже не любил. Поэтому он только сказал герцогу, что у него теперь нет ни отца, ни матери и что его научила стряпать одна старуха. Герцог долго потешался над странным видом карлика и наконец сказал ему:

— Так и быть, оставайся у меня. Я дам тебе в год пятьдесят дукатов, одно праздничное платье и сверх того две пары штанов. За это ты будешь каждый день сам готовить мне завтрак, наблюдать за тем, как стряпают обед, и вообще заведовать моим столом. А кроме того, всем, кто у меня служит, я даю прозвища. Ты будешь называться Карлик Нос и получишь звание помощника начальника кухни.

Карлик Нос поклонился герцогу до земли и поблагодарил его за милость. Когда герцог отпустил его, Яков радостный вернулся на кухню. Теперь наконец он мог не беспокоиться о своей судьбе и не думать о том, что будет с ним завтра.

Он решил хорошенько отблагодарить своего хозяина, и не только сам правитель страны, но и все его придворные не могли нахвалиться маленьким поваром. С тех пор как Карлик Нос поселился во дворце, герцог стал, можно сказать, совсем другим человеком. Прежде ему частенько случалось швырять в поваров тарелками и стаканами, если ему не нравилась их стряпня, а один раз он так рассердился, что запустил в самого начальника кухни плохо прожаренной телячьей ногой. Нога попала бедняге в лоб, и он после этого три дня пролежал в кровати. Все повара дрожали от страха, когда готовили герцогу кушанье.

Но с появлением Карлика Носа всё изменилось. Герцог теперь ел не три раза в день, как раньше, а пять раз и только похваливал искусство карлика.

Всё казалось ему превкусным, и он становился день ото дня толще. Он часто приглашал карлика к своему столу вместе с начальником кухни и заставлял их отведывать кушанья, которые они приготовили.

Жители города не могли надивиться на этого замечательного карлика. Каждый день у дверей дворцовой кухни толпилось множество народу — все просили и умоляли главного повара, чтобы он позволил хоть одним глазком посмотреть, как карлик готовит кушанья. А городские богачи старались получить у герцога разрешение посылать на его кухню своих поваров, чтобы они могли учиться у карлика стряпать. Это давало карлику немалый доход — за каждого ученика ему платили в день по полдуката, — но он отдавал все деньги другим поварам, чтобы они ему не завидовали.

Так Яков прожил во дворце два года. Он был бы, пожалуй, даже доволен своей судьбой, если бы не вспоминал так часто об отце и матери, которые не узнали его и прогнали. Только это его и огорчало.

И вот однажды с ним произошёл такой случай.

Карлик Нос очень хорошо умел закупать припасы. Он всегда сам ходил на рынок и выбирал для герцогского стола гусей, уток, зелень и овощи. Както раз утром он пошёл на базар за гусями и долго не мог найти достаточно жирных птиц. Он несколько раз прошёлся по базару, выбирая гуся получше. Теперь уже никто не смеялся над карликом. Все низко ему кланялись и почтительно уступали дорогу. Каждая торговка была бы счастлива, если бы он купил у неё гуся.

Расхаживая взад и вперёд, Яков вдруг заметил в конце базара, в стороне от других торговых, одну женщину, которую не видел раньше. Она тоже продавала гусей, но не расхваливала свой товар, как другие, а сидела молча, не говоря ни слова. Яков по-

дошёл к этой женщине и осмотрел ее гусей. Они были как раз такие, как он хотел. Яков купил трёх птиц вместе с клеткой — двух гусаков и одну гусыню, — поставил клетку на плечо и пошёл обратно во дворец. И вдруг он заметил, что две птицы гогочут и хлопают крыльями, как полагается хорошим гусакам, а третья — гусыня — сидит тихо и даже как будто вздыхает.

«Эта гусыня больна, — подумал Яков. — Как только приду во дворец, сейчас же велю её прирезать, пока она не издохла».

И вдруг птица, словно разгадав его мысли, ясно и громко сказала:

Ты не режь меня —
Заключу тебя.
Если шею мне свернёшь,
Раньше времени умрёшь.

Яков чуть не уронил клетку.

— Вот чудеса! — закричал он. — Вы, оказывается, умеете говорить, госпожа гусыня! Не бойся, такую интересную птицу я не убью. Готов спорить, что ты не всегда ходила в гусяных перьях. Ведь был же и я когда-то маленькой белочкой.

— Твоя правда, — ответила гусыня. — Я не родилась птицей. Никто не думал, что Мими, дочь великого Веттербока, кончит жизнь под ножом повара на кухонном столе.

— Не беспокойтесь, дорогая Мими! — воскликнул Яков. — Не будь я честный человек и главный повар его светлости, если до вас кто-нибудь дотронется ножом! Вы будете жить в прекрасной клетке у меня в комнате, и я стану вас кормить и разговаривать с вами. А другим поварам я скажу, что откармливаю гуся особыми травами для самого герцога. И увидите — не пройдёт и месяца, как я придумаю способ выпустить вас на волю.

Мими со слезами на глазах поблагодарила карлика, и Яков исполнил всё, что обещал. Он сказал на кухне, что будет откармливать гусыню особым способом, которого никто не знает, и поставил её клетку у себя в комнате. Мими получала не гусиную пищу, а печенье, конфеты и всякие лакомства, и как только у Якова выдавалась свободная минутка, он тотчас же прибегал к ней поболтать.

Мими рассказала Якову, что её превратила в гусыню и занесла в этот город одна старая колдунья, с которой когда-то поссорился её отец, знаменитый волшебник Веттербок. Карлик тоже рассказал Мими свою историю, и Мими сказала:

— Я кое-что понимаю в колдовстве — мой отец немножко учил меня своей мудрости. Я догадываюсь, что старуха заколдовала тебя волшебной травкой, которую она положила в суп, когда ты принёс ей домой капусту. Если ты найдешь эту травку и понюхаешь её, ты, может быть, снова станешь таким же, как все люди.

Это, конечно, не особенно утешило карлика: как же он мог найти эту травку? Но у него всё-таки появилась маленькая надежда.

Через несколько дней после этого к герцогу приехал погостить один князь — его сосед и друг. Герцог тотчас же позвал к себе карлика и сказал ему:

— Теперь пришло время показать, верно ли ты мне служишь и хорошо ли знаешь своё искусство. Этот князь, который приехал ко мне в гости, любит хорошо поесть и понимает толк в стряпне. Смотри же, готовь нам такие кушанья, чтобы князь каждый день удивлялся. И не вздумай, пока князь у меня в гостях, два раза подать к столу одно кушанье. Тогда тебе не будет пощады. Бери у моего казначея всё, что тебе понадобится, хоть золото запечённое нам подавай, только бы не осрамиться перед князем.

— Не беспокойтесь, ваша светлость, — ответил Яков, низко кланяясь. — Я уж сумею угодить вашему лакомке-князю.

И Карлик Нос горячо принялся за работу. Целый день он стоял у пылающей плиты и без умолку отдавал приказания своим тоненьким голосом. Толпа поваров и поварят металась по кухне, ловя каждое его слово. Яков не щадил ни себя, ни других, чтобы угодить своему хозяину.

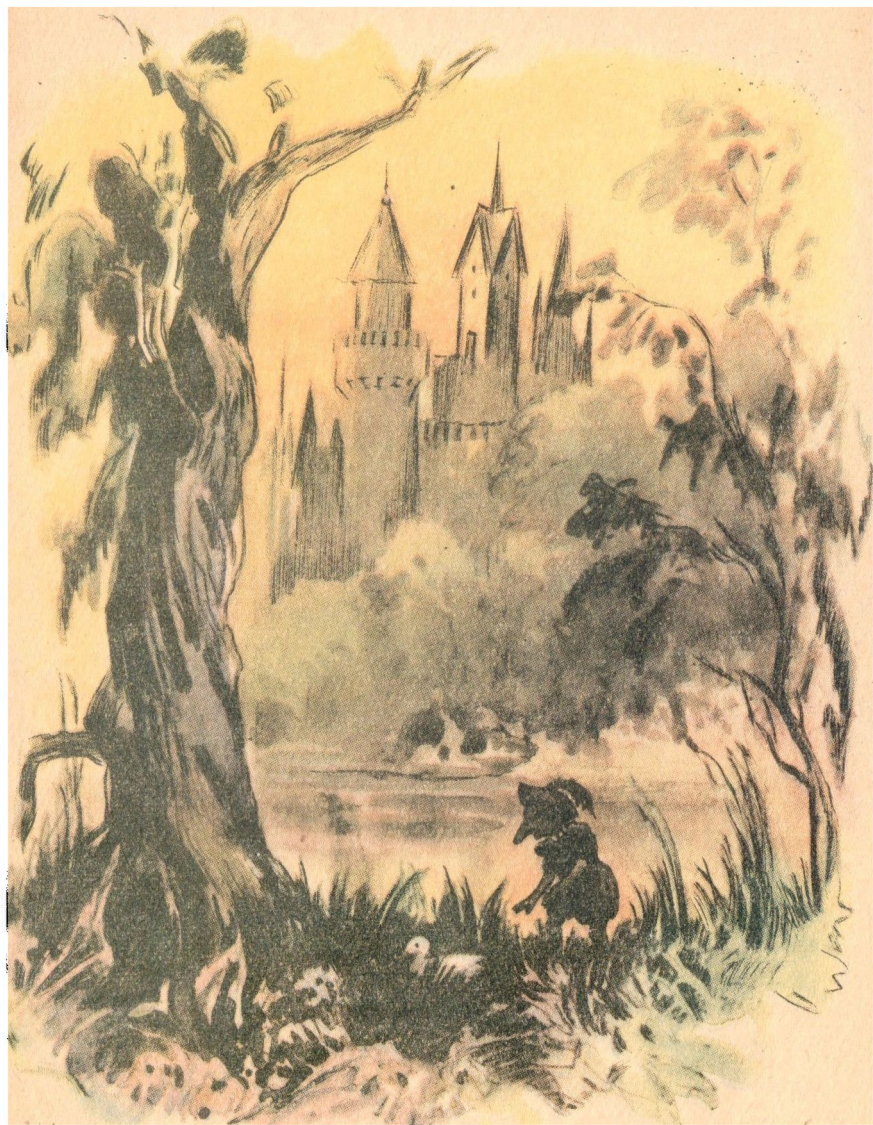
Уже две недели гостил князь у герцога. Они ели не меньше чем по пять раз в день, и герцог был в восторге. Он видел, что его гостю нравится стряпня карлика. На пятнадцатый день герцог позвал Якова в столовую, показал его князю и спросил, доволен ли князь искусством его повара.

— Ты прекрасно готовишь, — сказал князь карлику, — и понимаешь, что значит хорошо есть. За всё время, пока я здесь, ты ни одного кушанья не подал на стол два раза, и всё было очень вкусно. Но скажи мне, почему ты до сих пор не угостил нас «пирогом королевы»? Это самый вкусный пирог на свете.

У карлика упало сердце: он никогда не слышал о таком пироге. Но он и виду не подал, что смущён, и ответил:

— О господин, я надеялся, что вы ещё долго пробудете у нас, и хотел угостить вас «пирогом королевы» на прощанье. Ведь это — король всех пирогов, как вы сами хорошо знаете.

— Ах, вот как! — сказал герцог и рассмеялся. — Ты ведь и меня ни разу не угостил «пирогом королевы». Наверно, ты испечёшь его в день моей смерти, чтобы последний раз побаловать меня. Но придумай на этот случай какое-нибудь другое кушанье! А «пирог королевы» чтобы завтра был на столе! Слышишь?

— Слушаюсь, господин герцог, — ответил Яков и ушёл озабоченный и огорчённый.

Вот когда наступил день его позора! Откуда он узнает, как пекут этот пирог?

Он пошёл в свою комнату и стал горько плакать. Гусыня Мими увидела это из своей клетки и пожалела его.

— О чем ты плачешь, Яков? — спросила она, и когда Яков рассказал ей про «пирог королевы», она сказала: — Вытри слезы и не огорчайся. Этот пирог часто подавали у нас дома, и я, кажется, помню, как его надо печь. Возьми столько-то муки и положи еще такую-то и такую-то приправу — вот пирог и готов. А если в нем чего-нибудь не хватит — беда невелика. Герцог с князем все равно не заметят. Не такой уж у них разборчивый вкус.

Карлик Нос подпрыгнул от радости и сейчас же принялся печь пирог. Сначала он сделал маленький пирожок и дал его попробовать начальнику кухни. Тот нашел, что вышло очень вкусно. Тогда Яков испек большой пирог и прямо из печи послал его к столу. А сам надел свое праздничное платье и пошел в столовую посмотреть, как герцогу с князем понравится этот новый пирог.

Когда он входил, дворецкий как раз отрезал большой кусок пирога, на серебряной лопаточке подал его князю, а потом другой такой же — герцогу. Герцог откусил сразу полкуска, прожевал пирог, проглотил его и с довольным видом откинулся на спинку стула.

— Ах, как вкусно! — воскликнул он. — Недаром этот пирог называют королем всех пирогов. Но и мой карлик — король всех поваров. Не правда ли, князь?

Князь осторожно откусил крохотный кусочек, хорошенько прожевал его, растер языком и сказал, снисходительно улыбаясь и отодвигая тарелку:

— Недурное кушанье! Но только ему далеко до «пирога королевы». Я так и думал!

Герцог весь покраснел с досады и сердито нахмурился.

— Скверный карлик! — закричал он. — Как ты смел так опозорить своего господина? За такую стряпню тебе следовало бы отрубить твою толстую башку!

— Господин! — закричал Яков, падая на колени. — Я испек этот пирог, как полагается. В него положено все, что надо.

— Ты лжешь, негодяй! — закричал герцог и отпихнул карлика ногой. — Мой гость не стал бы напрасно говорить, что в пироге чего-то не хватает. Я тебя самого прикажу размолоть и запечь в пирог, урод ты этакий!

— Сжальтесь надо мной! — жалобно закричал карлик, хватая князя за полы его платья. — Не дайте мне умереть из-за горсти муки и мяса! Скажите, чего не хватает в этом пироге, чем он вам не понравился?

— Это мало тебе поможет, мой милый Нос, — ответил князь со смехом. — Я уже вчера подумал, что тебе не испечь этого пирога так, как его печёт мой повар. В нем не хватает одной травки, которой у вас никто не знает. Она называется «чихай на здоровье». Без этой травки у «пирога королевы» не тот вкус, и твоему господину никогда не придется попробовать его таким, каким его делают у меня.

— Нет, я его попробую, и очень скоро! — закричал герцог. — Клянусь моей герцогской честью, либо вы завтра увидите на столе такой пирог, либо голова этого негодяя будет торчать на воротах моего двorca. Пошел вон, собака! Даю тебе сроку двадцать четыре часа, чтобы спасти свою жизнь.

Бедный карлик, горько плача, пошел к себе в

комнату и пожаловался гусыне на свое горе. Теперь ему уже не миновать смерти! Ведь он никогда и не слыхивал о траве, которая называется «чихай на здоровье».

— Если в этом все дело, — сказала Мими, — то я могу тебе помочь. Мой отец научил меня узнавать все травы. Будь это недели две назад, тебе, может быть, и правду грозила бы смерть, но, к счастью, теперь новолуние, а в это время как раз и цветет та трава. Есть где-нибудь около дворца старые каштаны?

— Да! Да! — радостно закричал карлик. — В саду, совсем близко отсюда, растет несколько каштанов. Но зачем они тебе?

— Эта трава, — ответила Мими, — растет только под старыми каштанами. Не будем попусту терять время и пойдем сейчас же ее искать. Возьми меня на руки и вынеси из дворца.

Карлик взял Мими на руки, подошел с ней к дворцовым воротам и хотел выйти. Но привратник преградил ему дорогу и сказал:

— Нет, мой милый Нос. Мне строго-настрого велено не выпускать тебя из дворца.

— Неужели мне и в саду нельзя погулять? — спросил карлик. — Будь добр, пошли кого-нибудь к смотрителю и спроси, можно ли мне ходить по саду и собирать траву.

Привратник послал спросить смотрителя, и смотритель позволил: сад ведь был обнесен высокой стеной, и убежать из него было невозможно.

Выйдя в сад, карлик осторожно поставил Мими на землю, и она, ковыляя, побежала к каштанам, которые росли на берегу озера. Яков, пригорунившись, шел за нею.

«Если Мими не найдет той травки, — думал

он, — я утоплюсь в озере. Это все-таки лучше, чем дать отрубить себе голову».

Мими между тем побывала под каждым каштаном, перевернула клювом всякую былинку, но напрасно — травки «чихай на здоровье» не было видно. Гусыня от горя даже заплакала.

Приближался вечер, темнело, и становилось все труднее различать стебли трав. Случайно карлик взглянул на другой берег озера и радостно закричал:

— Посмотри, Мими, видишь — на той стороне еще один большой старый каштан. Пойдём туда и поищем, может быть, под ним растёт моё счастье.

Гусыня тяжело захлопала крыльями, поднялась на воздух и полетела, а карлик во всю прыть побежал за нею на своих маленьких ножках. Перейдя через мост, он подошел к каштану. Каштан был густой и развесистый, под ним в полутьме почти ничего не было видно. И вдруг Мими замахала крыльями и даже подскочила от радости. Она быстро сунула клюв в траву, сорвала какой-то цветок и сказала, осторожно протягивая его Якову:

— Вот трава «чихай на здоровье». Здесь ее растёт много-много, так что тебе надолго хватит.

Карлик взял цветок в руку и задумчиво посмотрел на него. От него шел сильный, приятный запах, и Якову почему-то вспомнилось, как он стоял у старухи в кладовой, подбирая травы, чтобы начинить ими курицу, и нашел такой же цветок — с зеленоватым стебельком и яркочерной головкой, украшенной желтой каймой.

И вдруг Яков весь задрожал от волнения.

— Знаешь, Мими, — закричал он, — это, кажется, тот самый цветок, который превратил меня из белки в карлика. Попробую-ка я его понюхать.

— Подожди немножко, — сказала Мими. — Возь-

ми с собой пучок этой травы, и вернёмся к тебе в комнату. Собери свои деньги и всё, что ты нашёл, пока служил у герцога, а потом мы испробуем силу этой чудесной травки.

Яков послушался Мими, хотя сердце у него громко стучало от нетерпения. Он бегом прибежал к себе в комнату. Завязав в узелок сотню дукатов и несколько пар платья, он сунул свой длинный нос в цветы и понюхал их. И вдруг все его суставы затрещали, шея вытянулась, голова сразу поднялась из плеч, нос стал делаться всё меньше и меньше, а ноги всё длиннее и длиннее, спина и грудь выровнялись, и он стал такой же, как все люди.

Мими с великим удивлением смотрела на Якова.

— Какой ты красивый, — закричала она. — Ты теперь совсем не похож на уродливого карлика!

Яков очень обрадовался. Ему захотелось сейчас же бежать к родителям и показаться им, но он помнил о своей спасительнице.

— Не будь тебя, дорогая Мими, я бы на всю жизнь остался карликом и, может быть, умер бы под топором палача, — сказал он, нежно поглаживая гусыню по спине и по крыльям. — Я должен тебя отблагодарить. Я отвезу тебя к твоему отцу, и он тебя расколдует. Он ведь умнее всех волшебников.

Мими залилась слезами от радости, а Яков взял её на руки и прижал к груди. Он незаметно вышел из дворца — ни один человек не узнал его — и отправился с Мими к морю, на остров Готланд, где жил её отец, волшебник Веттербок.

Они долго путешествовали и наконец добрались до этого острова. Веттербок сейчас же снял чары с Мими и дал Якову много денег и подарков. Яков немедленно вернулся в свой родной город. Отец и мать с радостью встретили его — он ведь стал такой красивый и привёз столько денег!

Надо ещё рассказать про герцога.

Утром на другой день герцог решил исполнить свою угрозу и отрубить карлику голову, если он не нашёл той травы, о которой говорил князь. Но Якова нигде не могли отыскать.

Тогда князь сказал, что герцог нарочно спрятал карлика, чтобы не лишиться своего лучшего повара, и назвал его обманщиком. Герцог страшно рассердился и объявил князю войну. После многих битв и сражений они наконец помирились, и князь, чтобы отпраздновать мир, велел своему повару испечь настоящий «пирог королевы». Этот мир между ними так и называли «Пирожный мир».

Вот и вся сказка о Карлике Носе.

СКАЗКА О ХАЛИФЕ-АИСТЕ

1.

Когда-то давно царствовал в Багдаде халиф, которого звали Хасид. Однажды после обеда он сидел на диване у себя во дворце. Он только что поспал и чувствовал себя прекрасно. В одной руке у него была длинная трубка, в другой — чашка кофе. Он пускал вверх густые клубы дыма и время от времени отпивал глоток из чашки, которую наполнял для него черный раб.

В это время дня халиф всегда был в хорошем настроении и милостиво выслушивал всякого, кто к нему обращался. Поэтому везирь халифа Мансур приходил только после обеда. В этот день он тоже пришел и против обыкновения был очень задумчив.

Халиф вынул трубку изо рта и спросил:

— Почему у тебя такой задумчивый вид, везирь?

Везирь сложил руки крестом на груди и с поклоном ответил:

— Господин мой, я не знаю, задумчивый ли у меня вид, но внизу у ворот стоит торговец с разными хорошими вещами, а у меня нет денег, чтобы их купить.

Халифу Хасиду уже давно хотелось сделать своему везиру какой-нибудь подарок. Он послал раба за торговцем, и тот привел его наверх. Торговец был маленький, толстый человек, одетый в лохмотья. Он нес на голове большой ящик с разными товарами; в ящичке лежали перстни, жемчужные ожерелья, кинжалы, гребни, кубки.

Халиф внимательно осмотрел все товары и выбрал для себя и для везира пару блестящих дамасских кинжалов, а для жены везира большой гребень, украшенный драгоценными камнями. Торговец хотел уже закрыть свой ящик, как вдруг халиф увидел в глубине его маленькую шкатулку, которой раньше не заметил.

— Что у тебя в этой шкатулке? — спросил он торговца.

Торговец вынул шкатулку из ящика и раскрыл ее. В ней оказались маленькая коробочка, полная черного порошка, и лист бумаги с какой-то диковиной надписью, которой ни халиф Хасид, ни его везирь не могли прочитать.

— Я получил эти вещи от одного купца, который нашел их когда-то на улице в Мекке, — сказал торговец. — Я не знаю, что в них ценного, и готов недорого уступить их вам. Они мне все равно ни к чему.

Халиф, который любил собирать старые рукописи, даже если не мог их прочесть, купил и коробочку и бумагу с надписью и отпустил торговца. Ему очень хотелось узнать, что написано на этом листе бумаги, и он спросил своего везира:

— Не знаешь ли ты кого-нибудь, кто мог бы прочитать эту надпись?

— Милостивый господин и повелитель, — отвечал везирь, — у большой мечети живет один человек по имени Селим Премудрый, который знает все языки. Пошлите за ним — может быть, он сумеет прочесть эти таинственные буквы.

Мудрого Селима сейчас же привели, и халиф скавал ему:

— Селим! Ты, говорят, очень ученый. Посмотри на эту бумагу и скажи, можешь ли ты прочитать то, что на ней написано. Если прочитаешь, я дам тебе новый халат, а если нет — тебе достанется двенадцать оплеух и двадцать пять ударов по пяткам за то, что тебя зря называют мудрым.

— Пусть исполнится твоя воля, господин, — отвечал Селим, низко кланяясь.

Он долго рассматривал таинственную надпись и вдруг закричал:

— Это латинский язык, о господин, или пусть меня повесят!

— Раз это латинский язык, скажи, что написано на этой бумаге, — приказал халиф, и Селим начал переводить:

— «О человек, нашедший эту бумагу, возблагодари Аллаха за его милость. Кто понюхает этот порошок и скажет «мутабор», превратится в какое хочет животное и будет понимать язык зверей и птиц. А когда он захочет снова стать человеком, пусть поклонится три раза на восток и скажет то же самое слово. Но пока будешь животным, берегись рассмеяться — иначе ты навсегда забудешь волшебное слово и до смерти останешься птицей или зверем».

Услышав это, халиф очень обрадовался. Он заставил Селима поклясться, что тот никому не откроет этой тайны, подарил ему роскошный халат и отпустил его. Потом он сказал своему везиру:

— Вот это называется хорошая покупка, Мансур!

Я так доволен, что могу превратиться в животное и буду понимать язык зверей и птиц! Завтра рано утром приходи ко мне. Мы пойдем с тобой в поле, понюхаем волшебного порошка и послушаем, о чем говорят в воздухе, на воде, в лесу и в поле.

2.

На другое утро, только успел халиф Хасид одеться и позавтракать, пришел везирь. Халиф сунул за пояс коробочку с волшебным порошком и отправился с везирем в путь, не взяв с собой никого другого из свиты. Сначала они пошли в дворцовый сад, но напрасно искали там какое-нибудь живое существо, чтобы испробовать новую забаву. Тогда везирь предложил пойти подальше, на пруд, где он видел много аистов. Ему всегда было интересно смотреть на этих птиц, которые расхаживали с таким торжественным видом, все время щелкая клювами.

Халиф согласился, и они пошли к пруду. Там они увидели аиста, который важно гулял взад и вперед, отыскивая лягушек, и время от времени что-то бормотал себе под нос. В воздухе они заметили другого аиста, медленно летевшего в их сторону.

— Готов прозакладывать мою бороду, — сказал везирь, — что эти двое длинноногих сейчас заведут интересный разговор. Что если нам превратиться в аистов?

— Хорошо придумано! — воскликнул халиф. — Но только давай вспомним сначала, что надо сделать, чтобы снова стать людьми. Ах, вот! Три раза поклонимся на восток, скажем «мутабор», и опять я буду халиф, а ты — везирь. Только смотри — не смеяться, а то мы пропали.

Тут халиф увидел, что второй аист пролетел у них над головами и плавно опустился на землю. Ха-

лиф быстро выхватил из-за пояса коробочку, втянул в нос хорошую понюшку и передал коробочку везирию. Тот тоже понюхал порошок, и потом оба разом закричали:

— Мутабор!

И вдруг ноги у них сморщились, стали тоненькие и покраснели. Красивые желтые туфли халифа и Мансура превратились в пальцы с перепонками, руки — в крылья, шея вытянулась и стала очень длинной. Бороды у обоих исчезли, все тело покрылось мягкими перьями.

Удивленный халиф долго молчал и, наконец, сказал:

— У вас красивый клюв, господин везирь. Клянусь честью, я в жизни не видал еще такого клюва!

— Покорно благодарю, — ответил везирь и согнул шею. — Осмелюсь сказать, что ваше величество, превратившись в аиста, сделались еще красивее, чем были. Но не угодно ли вам пойти послушать, о чем говорят наши приятели, и узнать, действительно ли мы понимаем по-аистиному?

Тем временем второй аист почистил себе клювом ноги, оправил перья и подошел к первой птице. Оба новых аиста поспешили подойти поближе и с большим удивлением услышали такой разговор:

— Доброе утро, дорогая Долгоножка! Еще так рано, а вы уже на лугу.

— Да, благодарю вас, милая Чернохвостка! Я раздобыла себе маленький завтрак. Не угодно ли вам четверть улитки или лягушечью ножку?

— Спасибо, мне сегодня что-то совсем не хочется есть. Я пришла на луг по другим делам. У моего отца будут вечером гости, и мне придется перед ними танцевать. Вот я и хочу немного поупражняться.

И молодая аистиха прошла по лужайке, выделяя ногами затейливые фигуры.

Халиф и везирь с удивлением смотрели на нее. Когда аистиха встала в красивую позу и, поджав одну ногу, грациозно замахала крыльями, Хасид и Мансур не могли удержаться и расхохотались, широко раскрыв клювы.

Они смеялись громко и долго, пока из глаз у них не потекли слезы. Халиф успокоился первый и закричал:

— Вот забавно! За такое зрелище не жалко никаких денег. Досадно, что эти глупые птицы испугались нашего смеха, — они бы, пожалуй, еще и петь начали.

Тут везирь вдруг вспомнил, что смеяться-то им, пока они аисты, не позволено. Он поспешил сказать об этом халифу, и тот воскликнул:

— Клянусь Меккой и Мединой, плохая это будет штука, если мне придется на всю жизнь остаться аистом! Вспомни-ка это глупое слово, которое нам нельзя забывать. Мне оно не приходит в голову.

— Мы должны три раза поклониться на восток, — ответил везирь, — и сказать: «му...му...му...».

Они обернулись к востоку и поклонились так низко, что уперлись клювами в землю. Но — о горе! — волшебное слово выскочило у них из памяти. Сколько ни кланялся халиф, сколько ни тянул везирь свое «му... му... му...», они не могли его вспомнить и как были, так и остались аистами.

3.

Грустно бродили Хасид и Мансур по полям, не зная, что им теперь делать. Сбросить с себя перья они не могли, возвращаться в город, чтобы объявить о себе, тоже не стоило: ведь никто не поверит аисту, что он халиф. А если и поверят, разве жители Багдада согласятся иметь царем аиста?

Прошло несколько дней. Халиф и везирь кое-как питались дикими корешками, да и тех не могли как следует разжевать своими длинными клювами. Лягушки и улитки их не соблазняли, — они боялись испортить себе желудок этими лакомствами.

В этом печальном положении у них было только одно удовольствие — летать. Они часто прилетали в Багдад, садились на крыши и смотрели, что делается в городе. В первые дни было заметно, что жители Багдада очень горюют и беспокоятся. Но дня через три-четыре наши аисты, сидя на крыше дворца, вдруг увидели пышное шествие. Послышались звуки барабанов и флейт. Какой-то человек в роскошном, ярко вышитом халате проехал по городской площади на прекрасном чистокровном коне, окруженный многочисленной свитой. Половина жителей Багдада бежала за ним следом с громкими криками:

— Да здравствует Мизра, наш повелитель!

Аисты на крыше дворца переглянулись, и халиф Хасид сказал:

— Понимаешь ты теперь, почему я заколдован, везирь? Этот Мизра — сын моего смертельного врага, злого волшебника Кашнура, который затаил на меня злобу. Но я еще не потерял надежды спастись. Полетим со мной, мой верный товарищ, в священный город Медину — может быть, мы освободимся там от чар жестокого колдуна.

Они поднялись с крыши дворца и полетели в сторону Медины. Однако с летанием дело у них обстояло довольно плохо — халиф и везирь еще мало упражнялись в этом искусстве.

Не прошло и двух часов, как везирь начал стонать и охать и, наконец, жалобно проговорил:

— С вашего разрешения, господин мой, я больше не могу. Вы летите слишком быстро. К тому же сей-

час уже вечер, и нам следовало бы присмотреть себе место для ночлега.

Хасид послушался своего везиря. Взглянув вниз, он заметил старый, полуразрушенный дом. Оба аиста спустились на землю и решили укрыться в этом доме.

Когда-то, это, наверное, был дворец. Среди развалин возвышались колонны, а в уцелевших от разрушения комнатах Хасид и Мансур увидели мягкие ковры и множество дорогой посуды.

Халиф и его спутник пошли по комнатам, чтобы найти удобное и сухое местечко. Вдруг Мансур остановился и сказал испуганным шёпотом:

— Здесь кто-то стонет и вздыхает — я это ясно слышал.

Халиф тоже остановился и прислушался. До него донеслись какие-то тихие жалобные звуки, больше похожие на женский плач, чем на крик животного. Не зная, что подумать, Хасид пошел было навстречу этим звукам, но везирь вцепился ему клювом в крыло и начал умолять его быть осторожней.

Халиф, сделавшись аистом, не стал, однако, трусом. Он вырвался, оставив в клюве Мансура несколько перьев, и поспешно вошел в какой-то темный проход. Скоро он увидел перед собой дверь, которая была не заперта, а только притворена. За дверью кто-то жалобно стонал и охал. Халиф толкнул дверь клювом и остановился, удивленный: в полуразвалившейся комнате с маленьким решетчатым окошком он увидел большую сову. Сова сидела на полу и горько плакала. Из ее круглых глаз катились крупные слезы, величиной с горошину.

Увидев Хасида и Мансура, который тоже в конце концов последовал за халифом, сова радостно вскрикнула. Она вытерла слезы своим коричневым крылом и вдруг сказала по-арабски, чисто и правильно:

— Добро пожаловать, аисты! Видно, я скоро буду спасена. Ведь мне предсказали, что аисты принесут мне счастье.

Опомнившись, наконец, от удивления, халиф низко склонил свою длинную шею, выгнул ноги как можно красивее и сказал:

— Сова! Если я правильно тебя понимаю, мы с тобой товарищи по несчастью. Но напрасно ты надеешься, что мы тебя спасем. Послушай нашу историю, и ты сама убедишься в этом.

— Рассказывай скорей! — попросила сова, и халиф рассказал ей то, что мы уже знаем.

4.

Когда он окончил свой рассказ, сова поблагодарила его и сказала:

— Выслушай и ты мою повесть — я так же несчастна, как вы.

Меня зовут Луза. Мой отец — царь Индии, и я у него единственная дочь. Волшебник Кашнур, который вас заколдовал, сделал то же самое и со мною. Однажды он пришел к моему отцу и попросил его выдать меня замуж за его сына Мизру. Мой отец рассердился и выгнал его. Тогда злой Кашнур переделся рабом и пробрался во дворец. Когда я гуляла в саду, он принес мне напиток, и едва я выпила его питье, как превратилась в безобразную сову. От испуга я потеряла сознание. Кашнур принес меня в эту комнату и закричал мне в ухо страшным голосом:

— Ты останешься здесь и будешь всех пугать своим видом, пока не умрешь или пока кто-нибудь не захочет взять тебя в жены в таком ужасном образе. Так я отомщу тебе и накажу твоего отца за его гордость.

И вот уже много месяцев я живу здесь, совсем одна. Я всем противна, и даже звери меня пугаются. Я не вижу ни солнца, ни цветов, потому что днем мои глаза слепы, и только ночью, когда всходит луна, они становятся зрячими.

Выслушав историю совы, халиф глубоко задумался.

— Мне кажется, — сказал он, — что мы с тобой пострадали по одной и той же таинственной причине. Но как мне разгадать эту загадку?

— Я думаю, что ты прав, — ответила сова. — Когда я была совсем маленькая, одна мудрая женщина предсказала, что аист принесет мне счастье. Я, кажется, знаю, как мы могли бы спастись.

— Говори скорее, что ты придумала! — воскликнул обрадованный халиф.

— Волшебник, который заколдовал нас, раз в месяц приходит в этот дом, — ответила Луза. — Недалеко от моей комнаты есть большая зала. В этой зале Кашнур пирует со своими приятелями, когда он бывает здесь. Я часто слышала, как они там кричат, похваляясь друг перед другом своими проделками. Может быть, когда колдун придет в следующий раз, он произнесет волшебное слово, которое вы забыли.

— Когда же он придет и где эта зала, дорогая сова? — нетерпеливо закричал халиф.

Сова немного помолчала и, наконец, проговорила тихим голосом:

— Не сердитесь на меня, но я могу сказать вам это только с одним условием.

— С каким, с каким? — закричали халиф и везирь. — Говори, мы на все согласны.

— Я бы тоже хотела спастись, а это возможно только, если кто-нибудь из вас на мне женится, — ответила сова.

Услышав это, оба аиста смутились. Халиф под-

мигнул везирию: «Выйдем на минутку» и, когда оба вышли за дверь, спросил:

— Ну, каково твое мнение, везирь? Это, конечно, глупое предложение, но, я думаю, ты можешь его принять.

— А что скажет моя жена? — возразил везирь. — Она мне глаза выцарапает. Я старик, а вот вы, ваше величество, человек молодой и не женатый. Женитесь-ка на этой прекрасной царевне.

— Откуда ты знаешь, что она красивая? — сказал халиф. — А вдруг это безобразная старуха? Нет, уж если кому на ней жениться, так это тебе.

Долго уговаривал халиф своего везирия. Но тот заявил, что лучше навек останется аистом, чем возьмет в жены сову. Тогда халиф решил сам выполнить ее условие.

Узнав об этом, царевна Луза очень обрадовалась и сказала:

— Теперь я могу открыть вам, что вы пришли сюда как раз вовремя. Колдуны, наверное, собрались сейчас в зале. Идемте, я покажу вам, где они.

Все трое вышли из комнаты, и сова повела их за собой. Скоро они увидели луч света, который становился все ярче и ярче. Сова привела халифа и везирия к большому пролому в стене и сказала:

— Смотрите, но только стойте тихо, чтобы вас не услышали.

Халиф и везирь увидели большую залу с высокими колоннами, где было светло, как днем, от множества золотых и серебряных светильников. Посреди залы стоял огромный стол, уставленный кушаньями. На диване вокруг стола сидели восемь колдунов. В одном из них халиф узнал торговца, который продал ему волшебный порошок. Колдун, сидевший рядом с торговцем, обернулся к нему и сказал, хлопая его по плечу:

— Ну-ка, расскажи, что ты сделал хорошего с тех пор, как мы последний раз здесь пировали.

— Я превратил багдадского халифа и его везиря в аистов, — со смехом сказал торговец. — Послушайте, я вам расскажу, как это было.

Выслушав рассказ торговца, колдуны в один голос закричали:

— Вот это действительно смешная проделка! А какое слово они должны были сказать, чтобы снова превратиться в людей?

— Очень трудное латинское слово — «мутабор», — ответил торговец.

5.

Когда аисты услышали это слово, они заплясали от радости. Со всех ног бросились они назад, так что бедная сова еле поспевала за ними. Выйдя из дома, халиф низко поклонился сове и сказал:

— О, царевна, только тебе одной мы обязаны своим спасением. Прошу тебя, выйди за меня замуж, чтобы я мог тебя отблагодарить за все, что ты для нас сделала.

Потом оба аиста повернулись головами к солнцу, которое только что начинало всходить, склонили свои длинные шеи и во весь голос крикнули:

— Мутабор!

И сейчас же их перья упали на землю, крылья и клювы исчезли, и Хасид и Мансур снова стали людьми.

Плача от радости, халиф и везирь бросились друг другу в объятия. Но как же они были удивлены, когда, успокоившись немного, обернулись, чтобы еще раз поблагодарить сову, и увидели перед собой красивую девушку, одетую в роскошное платье.

Халиф очень обрадовался, что у него будет такая молодая и прекрасная жена, и воскликнул:

— Теперь я — самый счастливый человек на свете! Все трое сейчас же отправились в Багдад. Увидев халифа Хасида, его приближенные очень обрадовались. Все уже думали, что он умер и никогда не вернется.

Злого Кашнура и его сына, обманщика Мизру, халиф велел схватить и связать. Колдуна он приказал повесить в той самой комнате, где жила сова, а Мизре предложил на выбор — либо понюхать порошку из волшебной коробочки, которая все еще лежала у халифа за пазухой, либо умереть.

Мизра решил, что понюхать все-таки лучше. Везир поднес ему коробочку, Мизра втянул в нос хорошую понюшку и сейчас же превратился в аиста.

Халиф посадил его в большую клетку, а клетку приказал вынести в сад.

И халиф Хасид со своей женой и везирь Мансур весело и счастливо зажили во дворце. Везирь каждый день после обеда приходил к халифу, и Хасид всегда был ему очень рад. Когда халиф был в хорошем настроении, он любил подразнить везиря и показывал, как Мансур выглядел, будучи аистом. Халиф важно расхаживал по комнате, не сгибая ног, бормотал себе под нос, махал руками, как крыльями, и изображал, как везирь кланялся и кричал: «му... му... му...».

Жена халифа и его дети очень любили эти представления и весело потешались над везирем.

А если халиф уж слишком долго мычал и кланялся, везирь шутливо грозил рассказать его жене, что он говорил про нее, когда она была совой. И Хасид сейчас же переставал дразнить своего везира.

ХОЛОДНОЕ СЕРДЦЕ

Жители Шварцвальда, или иначе сказать Чернолесья, не похожи на своих соседей — обитателей долин и равнин. Они высоки ростом, широкоплечи и крепки. Можно подумать, что ветер, пролетая над развесистыми густыми елками, которых так много в Чернолесье, приносит шварцвальдцам бодрость и силу. И одежда у них не такая, как у других немцев. Лучше всего одеваются жители Баденского Шварцвальда. Они ходят в черных камзолах, широких шароварах и красных чулках и носят длинную бороду, как подобает мужчинам. Но всего легче их отличить по высокой остроконечной шляпе с большими круглыми полями.

По ремеслу почти все баденские шварцвальдцы — стеклодувы или часовщики. Часы, собранные ими, знамениты на весь мир.

С другой стороны леса, ближе к реке, живут те же шварцвальдцы, но ремесло у них иное. Они ва-

лят и обтесывают высокие ели и сплавляют их по Неккару и Рейну в Голландию. На побережье хорошо знают сплавщиков с их длинными плотами. В каждой гавани останавливаются они и гордо ожидают, пока горожане раскупят их доски и бревна. Но самые длинные и крепкие балки они продают на звонкие гүльдены голландским купцам, которые строят из них корабли. Всю свою жизнь проводят эти люди на плотях. Они носят темные полотняные камзолы и кожаные штаны, перехваченные широким поясом. Но больше всего они гордятся своими сапогами — это самые высокие сапоги на свете. Кто их наденет, может спокойно ходить по воде, не боясь промочить ноги.

Еще не так давно жители Шварцвальда верили в духов (теперь-то они, конечно, знают, что никаких духов нет). В сказках рассказывали, что эти духи одеваются так же, как люди, среди которых они живут.

Вот, например, Стеклушка — добрый лесной человек, в три четверти ростом, всегда ходит в круглой остроконечной шляпе, черном камзоле и красных чулочках.

А Голландец Михель, огромный широкоплечий парень, который блуждает в другой стороне Шварцвальда, — тот одет, как дровосеки из прибрежного леса, и сапоги на нем такие, что у целого стада теллят не хватило бы на них кожи. Взрослый мужчина мог бы в них спрятаться по самую шею.

Говорят, что у одного шварцвальдца случилась с этими духами престранная история. Послушайте, я вам ее расскажу.

Когда-то давно жила в Шварцвальде одна вдова, которую звали Варвара. Ее муж был угольщиком. Когда он умер, Варвара начала понемногу приучать к этому ремеслу своего сына Петера. Петер не умел

делать ничего другого, но работа отца ему не очень нравилась.

«Что за скверное занятие вечно сидеть у дымного костра и обжигать уголь! — думал он. — Сколько ни мойся, никак не отмоешь с лица сажу и копоть. Так и едешь черный в город продавать уголь. То ли дело стеклодувы или часовщики! У них работа чистая, они и одеться могут как следует. Им нечего бояться запачкать платье. А мне и наряжаться не стоит. Надену праздничный камзол с серебряными пуговицами и новые красные чулки, а все-таки видно, что я — угольщик. Уж такое у меня несчастное ремесло».

Не меньше завидовал Петер лесорубам и плотовщикам. Придут они на вечеринку огромные, толстые, станут чинно в уголок, широко расставив ноги, и смотрят на танцы, дымя своими длинными трубками. И кажется Петеру, что нет на свете никого счастливее этих торговцев лесом. А как начнут они играть в кости да сыпать пригоршнями серебро и золото, тут Петер чуть с ума не сходит от зависти. Ведь любой игрок спускает в вечер больше талеров, чем Петер может заработать за целый месяц.

Среди плотовщиков и лесоторговцев особенно выделялись трое: Толстый Езекиль, Длинный Шлуркер и Король Плясунов.

Толстый Езекиль считался самым богатым человеком в околотке. Он в год два раза водил плоты в Амстердам и всегда умел продать свой лес дороже других торговцев.

Длинный Шлуркер был высокий и тощий парень и большой буян и забияка. Он никому не боялся прекословить и разваливался в трактире один на целой скамье. Никто не смел сказать ему ни словечка — уж очень много было у него денег.

А третий из них — молодой, красивый юноша — лучше всех в Шварцвальде умел плясать. За это его

и прозвали «Король Плясунов». Родился он бедняком и служил батраком у одного лесоторговца. И вдруг неожиданно он разбогател: не то нашел под елкой горшок, полный золота, не то выудил багром из Рейна сверток золотых монет. Словом, он стал богачом, и все ему кланялись, точно какому-нибудь принцу.

Однако, у этих богатых людей был один большой порок: они были жадные и скупые и не жалели бедняков и нищих. А шварцвальдцы — народ добрый и жалостливый. Они не очень-то любят скупых богачей, хотя и снимают перед ними шапку.

Обо всем этом часто раздумывал Петер, сидя в своей темной хижине. И до того грустно стало ему однажды, что он кинул на землю свою шапку и воскликнул:

— Чем так жить, как я живу, лучше наложить на себя руки! Отчего я не так богат, как Толстый Езекиль? Откуда только у этого парня деньги?

Долго раздумывал Петер, как бы ему разбогатеть, но ничего путного не придумал. Наконец, он вспомнил, что некоторым людям помогают добывать деньги лесные духи: Михель Голландец и маленький Стеклушка. Когда еще был жив отец Петера, к нему часто приходили поболтать приятели, такие же бедняки, как он сам. И тогда конца не было разговорам про Стеклушку. Петер даже, кажется, помнил стишок, который надо было сказать у Елового холма посреди леса, чтобы вызвать Стеклушку.

Он попробовал повторить его и сказал наизусть три строчки, а четвертую не мог припомнить, как ни старался. Ему очень хотелось спросить кого-нибудь из стариков, как кончается стишок, но было стыдно.

«Да, верно, никто и не знает этих стихов до конца, — думал он. — Тот, кто знает, сам бы вызвал

Стеклушку и разбогател. А у нас в Чернолесье все одни бедняки».

Наконец, он спросил об этом свою мать, и Варвара сказала:

— Послушай, Петер. Стишка этого я, правда, не знаю, но вот что я тебе скажу. Стеклушка является только тем, кто родился в воскресенье между одиннадцатью и двумя часами. А ты как раз появился на свет в воскресенье в полдень.

Петер чуть не сошел с ума от радости. Он решил обязательно попытаться вызвать Стеклушку. Ведь три строчки стихов он знает и родился в воскресенье. Может быть, этого и довольно.

И вот однажды он надел праздничный камзол, красные чулки и новую шляпу, взял в руки длинную палку и сказал матери:

— Мне нужно сходить в город по делу. Скоро нам придется тянуть жребий, кому идти на войну, и я хочу напомнить бургомистру, что ты вдова и я у тебя единственный сын.

— Ты хорошо надумал, Петер, — сказала Варвара.

Петер вышел из дому. Но он не пошел в город, а направился прямо к Еловому холму, где жил Стеклушка. Этот холм стоял в глубине леса. На два часа пути вокруг него не было никакого жилья. Люди думали, что в этом месте жить опасно. На холме даже деревья редко рубили, хотя елки там росли крепкие и высокие. Когда какой-нибудь смельчак приходил туда за дровами, топор частенько соскакивал у него с топорница и больно ударял его по ноге. Случалось даже, что елки сами падали на дровосека и убивали его на месте.

Поэтому лес вокруг холма разросся так густо, что там и днем было темно, словно ночью. Петеру даже страшно стало, когда он подошел к холму, до

того вокруг было тихо и безлюдно. Птицы — и те, видно, боялись петь в этом мрачном лесу.

Петер взобрался на вершину холма и остановился под огромной елкой, за которую любой дровяник дал бы много сот талеров.

«Тут, должно быть, и живет Стеклушка — хранитель клада», — подумал Петер.

Он снял с головы шляпу, отвесил низкий поклон, откашлялся и сказал дрожащим голосом:

— Добрый вечер, господин Стеклушка.

Но никто не ответил Петеру. Кругом было все так же тихо, как прежде. «Попробую-ка я сказать тот стишок», — подумал Петер и еле слышно пробормотал три строчки, которые запомнил.

Едва он произнес последнее слово, как весь похолодел от испуга: из-за елки выглянул маленький человечек в черном камзоле, красных чулках и круглой шапочке, — наверно, Стеклушка! И лицо у него было такое, как говорили, — умное и лукавое. Но вот горе: человек как показался, так сразу и пропал.

— Господин Стеклушка! — закричал Петер. — Не думайте, что я вас не заметил. Я отлично видел, как вы выглянули из-за дерева.

Но никто не ответил Петеру. Ему только показалось, будто он слышит за елкой тихий смех.

«Ах, вот как! — сказал про себя Петер — Ты еще потешаешься надо мной! погоди же... Я тебя поймаю!»

Он одним прыжком подскочил к елке и обошел ее кругом. Но Стеклушки и следа не было. Только маленькая белочка неслышно пробежала вверх по веткам.

Петер в раздумье стоял, не двигаясь с места.

«Мне уже почти удалось вызвать Стеклушку, — говорил он себе. — Если бы я вспомнил еще одну строчку стишка, он бы, наверно, не спрятался».

Но сколько Петер ни старался, он так и не припомнил продолжения стишка. Белочка сидела на нижней ветке и насмешливо смотрела на Петера, словно подзадоривая его. Петер тоже не спускал с белки глаз. Наконец, ему даже страшно стало. То ему казалось, что голова у белки не звериная, а человеческая, и на ней остроконечная шляпа; то он видел у нее на задних лапах красные чулки и черные башмачки. А потом все вдруг пропало, и белка опять стала, как белка.

Петеру сделалось не по себе, и он быстро пошел обратно. В лесу становилось все темнее. Петер уже не шел, а бежал, чтобы скорее вернуться домой.

Наконец, он услышал вдали собачий лай и увидел какой-то домик. Подойдя к домику, Петер заглянул в окно и сразу понял, что он со страху сбился с дороги и попал к плотовщикам. Люди, которые жили в этом домике, были лесорубы. Их была целая семья: старик-дед, его сын с женой и несколько внуков и внучек.

Они приветливо встретили Петера, напоили его яблочным вином, сытно накормили и предложили у них переночевать. После ужина женщины со своими прялками сели у ярко пылавшего очага, а мужчины закурили длинные трубки.

В лесу тем временем разыгралась настоящая буря. Елки жалобно скрипели и трещали. Казалось, что ветер вот-вот вырвет и унесет их. Внуки старика хотели пойти в лес, посмотреть на бурю, но дед не позволил им и строго сказал:

— Никому нельзя выходить из дому. Кто переступит порог, тот не вернется живым. Сегодня Голландец Михель рубит себе деревья на новый плот.

— Расскажи, расскажи про Михеля, дедушка! — закричали дети.

Петеру тоже захотелось узнать эту историю. Ему

до сих пор приходилось мало слышать про Голландца, и он попросил старика рассказать о нем.

— Хорошо, — сказал дед. — Я расскажу вам, что знаю, только, смотрите, не перебивайте.

Лет сто назад не было на земле народа честнее шварцвальдцев. Теперь люди стали хуже, а про молодых парней и говорить нечего. Только и знают, что плясать да браниться. Я всегда говорил и сейчас скажу, что во всем виноват этот Голландец Михель. От него порча и пошла.

Так вот, значит, лет сто назад жил здесь один торговец лесом. И вот приходит к нему однажды человек, — такого ему еще не приходилось видеть. Одет этот человек был так же, как все шварцвальдские парни, но ростом он был выше любого из них на целую голову. Приходит, значит, этот человек к торговцу и просит работы. Торговец увидел, что он высокий и сильный, большие тяжести может носить, и нанял его. И оказался Михель таким работником, какого у торговца еще не бывало. Возьмется дрова рубить — один за троих работает и бревна такие на спине таскает, что и шестерым не поднять.

Прослужил Михель у своего хозяина с полгода. И вот как-то приходит он к нему и говорит: «Довольно уж я рубил здесь лес. Хочу теперь посмотреть, куда идут мои деревья. Не пошлете ли вы меня поплавать на плотках?» — «Хорошо, Михель, — говорит хозяин. — Если ты хочешь прогуляться по свету, я тебе перечить не стану. Здесь, чтобы лес рубить, мне нужны силачи, а на плотках требуется ловкость. Ну, да попробуй, пусть будет по-твоему».

Плот, на котором должен был плыть Михель, состоял из восьми звеньев, и на восьмое положили самые тяжелые балки. И вдруг за день до отплытия принес Михель вечером к реке еще восемь балок, да таких толстых, каких никто никогда не видел. И

говорит: «На этих балках я сам поплыву. Те жердочки для меня слишком тонки».

Хозяин, как эти балки увидел, до того обрадовался, что хотел Михелю пару сапог подарить. Но Михель и смотреть на них не стал. Он сам раздобыл себе сапоги в полсажени длиной и в сто фунтов весом.

А как отчалили плоты, сплавщики не могли надиться на Михеля. Хоть и были плоты нагружены тяжелыми балками, а летели, как стрела. Когда на реке встречалась излучина, плотовщикам всегда приходилось много трудиться, чтобы держать плоты посредине и не посадить их на камни. Теперь же Михель сам прыгал в воду и толкал головной плот вправо или влево, так что караван мог спокойно плыть дальше. А если путь был прямой, Михель перебегал на передний плот, упирался в дно огромным багром, и как наляжет на него — плоты и помчатся стрелой мимо лесов и селений.

Вдвое скорее, чем всегда, добрались плотовщики до города Кельна на Рейне, где обычно они продавали свой товар. Но Михель сказал им: «Не торопитесь. Вы хорошие купцы и понимаете, в чем для вас выгода. Вы думаете, здешним жителям самим нужно столько бревен и балок? Нет, они скупают их у вас за полцены, а потом продают голландцам. Давайте продадим здесь мелкие балки, а с крупными сами поплывем в Голландию. Все, что заработаем сверх обычной цены, поделим между собой».

Так говорил хитрый Михель, и слова его пришлось плотовщикам по сердцу. Одним хотелось побывать в Голландии, других соблазняла нажива. Михель погнал плоты вниз по Рейну и скоро привел их в Роттердам. Там плотовщики продали лес вчетверо дороже, чем могли бы продать в Кельне. Больше всего заплатили голландцы Михелю за его огромные бревна.

Никогда еще у шваривальдцев не было в руках

столько золота. Они сейчас же стали гулять по трактирам и скоро пропили и проели свои деньги. А когда у них ничего не осталось, они вернулись в Шварцвальд.

С тех пор Голландец Михель стал как бы королем для шварцвальдских парней, а Голландия казалась им лучшей страной на свете.

Но через несколько лет лесоторговцы узнали, что плотовщики обманули их. Стали искать Голландца Михеля, но он точно сквозь землю провалился. Вот уже сто лет, как его призрак блуждает по Чернолесью. Говорят, что он многим помог разбогатеть, а какой ценой, — этого никто не знает. Михель еще до сих пор валит самые большие ели на Еловом холме где никто не рубит деревьев. Мой отец сам видел, как он подошел к елке в два обхвата толщиной и сломал ее, точно тростинку. В полночь он спускает эти деревья на воду и сплавляет их в Голландию. Будь я голландским королем, я бы приказал расстрелять этого Михеля из пушек. Ведь всякий корабль, в котором есть хоть одна из досок Михеля, обязательно идет ко дну. Потому-то и случается теперь столько кораблекрушений. Каждый раз, как Михель повалит в лесу елку, в каком-нибудь корабле вылетает доска. Судно заливают водой, и оно тонет со всеми матросами.

Вот что рассказывают про Голландца Михеля.

— А сделать человека богатым он, правда, может, — продолжал старик таинственным голосом. — Но я бы не взял у него ни гроша. Не хотелось бы мне быть на месте Толстого Езекиля и Длинного Шлуркера. Говорят, что Король Плясунов тоже продался Михелю.

Пока старик рассказывал, буря утихла. Женщины засветили лампу и ушли, а старик положил на печку вместо подушки мешок с листьями и пожелал Петеру доброй ночи.

Никогда еще угольщику не снились такие скверные сны, как в эту ночь. То ему казалось, что великан Михель распахивает окно и подает ему мешок с золотом; то он видел перед собой маленького, веселого Стеклушку верхом на огромной зеленой бутылке.

И кто-то всю ночь шептал ему в ухо:

«Глупый угольщик, глупый Петер не может придумать даже строчки стихов! А еще родился в воскресенье ровно в полдень. Придумай же, глупый Петер, хоть одну строчку!».

Петер вздыхал и стонал во сне, но напрасно: ни одной строчки он так и не придумал.

Едва рассвело, он встал с постели и присел к столу. Он сидел и ломал себе голову, стараясь сочинить подходящие стихи, и вдруг мимо окна прошло трое шварцвальдских парней, которые пели веселую песню.

Петера словно молнией озарило. Он вскочил на ноги, выбежал из дома и помчался вслед за парнями. Он хотел еще раз услышать их песню. В ней ведь была строчка, подходящая для его стишка!

Догнав одного из шварцвальдцев, он схватил его за руку и закричал:

— Постой, приятель! Сделай милость, спой мне еще раз твою песню. Мне очень нужно услышать ее снова.

— Что с тобой стряслось, парень? — ответил шварцвальдец. — Выпусти сейчас же мою руку, а не то...

— Нет, ты мне скажешь, что ты пел! — закричал Петер вне себя от волнения и еще крепче сжал руку шварцвальдца.

Оба его спутника поспешили ему на помощь. Они накинулись на Петера и так отколотили его, что он почти без сознания повалился на землю.

— Теперь ты получил свое и будешь знать, как

приставать к людям! — крикнули ему парни и хотели идти дальше.

— Клянусь, — закричал Петер, — что я не буду больше приставать к людям, но раз уж вы меня отколотили, будьте добры — повторите мне еще раз вашу песню!

Парни засмеялись и, сжалившись над Петером, исполнили его просьбу. Потом они ушли, продолжая хохотать, а Петер с трудом поднялся с земли и сказал себе:

«Ну, подожди же, Стеклушка, теперь я знаю строчку, которой не хватает в стишке, и тебе от меня не уйти».

Он вернулся в дом, взял свою шляпу и палку, простился с хозяевами и пошел обратно к Еловому холму. Когда он уже был недалеко от своей цели, к нему вдруг вышел из-за елок человек огромного роста, в одежде плотовщика. В руках у него была палка длиной с корабельную мачту.

Петер чуть не упал со страха. Он сразу догадался, что этот великан — сам Голландец Михель.

Человек молча подошел к Петеру и немного прошел с ним рядом, а потом сказал:

— Угольщик Петер, что ты делаешь здесь, у Елового холма?

— Доброе утро, земляк, — ответил Петер, стуча зубами от ужаса, но стараясь не показать, как ему страшно. — Я иду домой.

— Угольщик Петер, — грозно продолжал великан, — ты идешь не по той дороге.

— Это верно, — ответил Петер. — Но сегодня жарко, и я думал, что здесь будет прохладнее.

— Не лги, угольщик, или я убью тебя этой палкой! — закричал Михель громовым голосом. — Думаешь, я не видел, как ты клянул деньги у карлика? Это было с твоей стороны глупо. Счастье твое, что ты

не знал стишка до конца. Стеклушка порядочный скряга. Он дает очень мало. Да и не много радости человеку от его денег. Ты несчастный человек, Петер, и мне тебя жалко: такой красивый парень — и обжигает уголь. Другие швыряют направо и налево талеры и дукаты, а у тебя иной раз и медного гроша нет. Куда годится такая жизнь!

— Что и говорить, жизнь плохая. — со вздохом ответил Петер.

— Я уж многим парням помог в нужде, — продолжал страшный Михель. — Скажи-ка, сколько сот талеров тебе нужно для начала?

И Михель тряхнул огромным кошельком, в котором зазвенело золото.

«Совсем, как ночью, во сне, — подумал про себя Петер. — Но не таков Михель, чтобы дать деньги даром, ничего за это не требуя. Да и старик говорил, что золото Голландца не приносит счастья».

И так стало вдруг страшно Петеру, что он воскликнул:

— Спасибо вам, сударь, но я не хочу иметь с вами дела, я уж и без того вас хорошо знаю!

И он со всех ног пустился бежать. Но Голландец в два шага догнал его и пошел с ним рядом, бормоча про себя:

— Смотри, Петер, ты еще расквесишься! Тебе все равно не уйти от меня. Не беги так скоро, дай мне сказать тебе два слова. Видишь, вон там граница моих владений.

Петер помчался еще быстрее, и Михелю также пришлось ускорить шаг. Он побежал за Петером, осыпая его проклятьями, и грозно поднял свою дубинку. Тут Петер, собрав все силы, перепрыгнул через ров, служивший границей земли Михеля. Голландец взмахнул дубинкой, но она разлетелась в воздухе, словно наткнувшись на невидимую стену. Кусок ду-

бинки перелетел через ров и упал к ногам Петера. Угольщик с торжеством поднял его и хотел запустить им в Голландца, но вдруг он увидел, что дубинка у него в руках начала расти и превратилась в громадную змею с длинным жалом и сверкающими глазами. Петер вскрикнул от ужаса и разжал пальцы. Но змея крепко обвилась вокруг его руки и, грозно шипя, тянулась к нему, стараясь его ужалить. Внезапно на змею ринулся сверху огромный глухарь, схватил ее клювом за голову и взвился с нею в воздух.

Еле живой от страха, продолжал Петер свой путь. Тропинка, по которой он шел, становилась все уже. Деревья росли все выше и гуще. Наконец, Петер очутился перед огромной елкой. Он снова, как вчера, отвесил низкий поклон и сказал свой стишок до конца.

— Не очень-то складно ты говоришь, угольщик Петер. Ну, да уж сойдет, — произнес за его спиной чей-то тоненький голосок.

Петер удивленно оглянулся. Сзади него под елкой сидел крошечный старичок в черном камзоле, красных чулках и остроконечной шапочке. Лицо у старичка было ласковое, с тоненькой бородкой, как паутина. Он курил голубую стеклянную трубочку.

Подойдя ближе, Петер с изумлением увидел, что платье, сапоги и шляпа карлика были тоже стеклянные, но стекло было мягкое, точно его только что вынули из печи. Оно гнулось при каждом движении старичка, как материя.

— Тебе повстречался этот грубиян Михель, — сказал карлик. — Он хотел тебя испугать, но я отнял у него дубинку. Больше уж он ее никогда не увидит.

— Да, мне было здорово страшно, господин Стеклашка, — ответил Петер, низко кланяясь. — Так это вы превратились в глухаря и убили змею? Большое вам спасибо. Позвольте мне спросить у вас совета.

Говоря по правде, мне живется довольно плохо. На заработок угольщика много не сделаешь. Я еще молод, и мне кажется, что я гожусь на что-нибудь лучшее. Вон другие как быстро добиваются счастья. Взять хотя бы Толстого Езекиля или Короля Плясунов. У них денег больше, чем соломы в сарае.

— Слушай, Петер, — строго сказал старичок. — Не говори мне никогда про этих людей. Что из того, что они теперь кажутся счастливыми? В конце концов им придется плохо. Не надо презирать свое ремесло. Твой отец и дед тоже были угольщиками, а они были честные люди. Надеюсь, что не любовь к безделью привела тебя сегодня ко мне.

Услышав слова Стеклушки, Петер смутился и покраснел.

— Нет, господин хранитель клада, — ответил он. — Я знаю, что лень — начало всех пороков. Но что же тут дурного, если другое ремесло нравится мне больше, чем мое? Угольщика мало уважают, а стеклодувы или часовщики, например, у всех в почете.

— Станный вы народ, — сказал карлик. — Редко кто из вас доволен своим положением. Ведь буды ты стеклодувом, тебе, наверно, захотелось бы стать плотовщиком или еще кем-нибудь. Но пусть будет потвоему. Если ты обещаешь мне быть благоразумным, я на этот раз помогу тебе. Всякому, кто родился в воскресенье, я исполняю три желания. Два — во всяком случае, а третье — если оно будет не слишком глупое. Пожелай же себе чего-нибудь, Петер.

— Ура! — закричал угольщик. — Вы — замечательный старичок, господин Стеклушка. Прежде всего я хочу научиться танцевать лучше Короля Плясунов. А потом пусть у меня всегда будет столько денег в кармане, сколько у Толстого Езекиля.

— Дурак ты, дурак! — сердито сказал Стеклушка. — Ну и желание — хорошо плясать и иметь день-

ги на игру в кости! И тебе не стыдно, Петер? Какой будет от того прок, если ты научишься плясать? А деньги ты все равно оставишь в трактире. Ладно уж, прибавлю тебе еще одно желание. Но смотри, на этот раз будь умней.

— Хочу иметь самый лучший стекольный завод в Шварцвальде и достаточно денег, чтобы вести дело.

— И больше ничего? — спросил Стеклушка. — И ничего больше, Петер? Подумай хорошенько.

— Ну, прибавь, пожалуй, еще хорошую лошадь и коляску.

— Ах ты, глупый Петер! — закричал карлик и в сердцах разбил свою трубку о ствол ели. — Разума, ты должен был себе пожелать. Разума и смекалки, а не лошадь с коляской.

— Господин Стеклушка, — робко произнес Петер. — У меня ведь еще осталось одно желание в за-пасе? Если вам угодно, я могу пожелать для себя разума.

— Нет, Петер, — отвечал Стеклушка. — Кто знает, может быть, ты попадешь в беду и это желание тебе пригодится. А теперь ступай домой. Вот тебе две тысячи талеров, с тебя хватит. Три дня назад умер старый Винкфриц, хозяин стекольного завода в Нижнем лесу. Пойди туда завтра утром, тебе продадут завод по сходной цене. Работай и веди себя как следует; я буду иногда к тебе приходить и помогать тебе. Но помни, первое твое желание — плохое желание. Берегись трактиров, Петер, от них никому не было добра.

Сказав это, Стеклушка вынул из кармана новую стеклянную трубку и набил ее еловыми шишками. Потом он вытащил огромное зажигательное стекло, вышел на солнце, разжег свою трубку и закурил. Скоро густые клубы дыма совсем закрыли его от

глаз Петера, и наш угольщик, еще раз поклонившись на всякий случай, ушел домой.

Вернувшись к матери, Петер весело обнял старуху и рассказал ей, что встретил в лесу приятеля, который предложил ему денег, чтобы начать новое дело. Варвара привыкла к своей хижине, в которой прожила тридцать лет, но она была непрочь переехать в хороший дом.

— Быть матерью заводчика куда почетней, — говорила она. — Что-то скажут соседки Грета и Бета, когда увидят, что я сижу в церкви на передней скамье, как все порядочные люди?

Петер быстро сторговался с наследником старого Винкфрица и стал хозяином стекольного завода. Он оставил на заводе всех прежних мастеров и велел им день и ночь дуть стекло. Сначала новое дело ему очень понравилось. Он с утра до вечера ходил по заводу, засунув руки в карманы, и отдавал приказанья, над которыми его стеклодувы втихомолку потешались. Иногда он сам пробовал выдувать стекло, но у него получались смешные фигуры.

Скоро ему, однако, надоело работать. Он стал приходить на завод через день, потом раз в неделю, так что мастера могли делать, что хотели.

А Петер пристрастился ходить в трактир. Он пришел туда в первое же воскресенье и увидел там Короля Плясунов и Толстого Езекиля, который, как всегда, играл в кости. Петер запустил руку в карман и вытащил горсть золота, но снова положил ее обратно. Ему захотелось сначала потанцевать. Как только окончился первый танец, Петер выбрал себе даму и встал напротив Короля Плясунов. Едва заиграла музыка, он начал подпрыгивать так высоко и выделывать ногами такие кренделя, что все зрители чуть с ума не сошли от восторга. Когда же все узнали, что угольщик Петер купил стекольный завод, удивле-

нию не было границ. Одни говорили, что он нашел в лесу клад, другие — что ему досталось наследство.

В этот вечер Петер проиграл в кости двадцать талеров, но деньги по-прежнему звенели у него в кармане, словно им не было конца. Все стали снимать перед ним шапку и кланяться ему до земли.

Видя, как его уважают и почитают, Петер себя не помнил от радости. Он бросал золото пригоршнями и щедро наделял бедных. Ведь он еще недавно сам терпел нужду. Он научился так хорошо танцевать, что совсем осрамил Короля Плясунов; его самого теперь называли Царем Танцоров.

А когда начиналась игра в кости, самые завзятые игроки не могли тягаться с ним. Правда, никто не проигрывал так много, как Петер, но зато и выигрывал он тоже больше всех. Стеклушка исполнил свое обещание: у Петера всегда было в кармане столько же денег, сколько у Толстого Езекиля. А ему-то Петер больше всего и проигрывал.

Скоро ему показалось мало играть по воскресеньям. Он стал приходить в трактир каждый день, и его даже прозвали Петер-игрок.

А на стекольном заводе дела шли все хуже и хуже. Виной тому была глупость Петера. Стекла там по-прежнему выдували много, но Петер не умел выгодно его сбыть, так что скоро на заводе не стало места для бутылок и стаканов. Петеру пришлось их продать за полцены, чтобы только заплатить стеклодувам.

Однажды вечером он возвращался из трактира домой и думал о своем погубленном богатстве. И вдруг ему показалось, что кто-то идет с ним рядом. Он осмотрелся и увидел около себя Стеклушку. И так стало Петеру досадно и горько, что он начал ругать маленького человечка и закричал:

— Ты один во всем виноват! К чему мне теперь моя лошадь и коляска и все это множество стекла? Когда я был бедным угольщиком, я, по крайней мере, забот не знал. А теперь я каждый день жду, что придет бургомистр и посадит меня в тюрьму за долги.

— Ах, вот как! — сказал Стеклушка. — Это я, значит, виноват, что ты теперь несчастлив? Так-то ты меня благодаришь за мою милость! Кто тебя заставил пожелать такие глупости? Ты хотел иметь стеклянный завод, а теперь не знаешь, куда девать стекло: говорил я тебе: будь умнее, ума-то у тебя, Петер, и не хватило.

— Что ты все говоришь — ума да ума! — закричал Петер. — Я не глупее всякого другого, и сейчас тебе это докажу.

И он крепко схватил Стеклушку за воротник.

— Теперь я тебя не выпущу, хранитель клада. Слушай, вот мое третье желание: хочу, чтобы у меня было двести тысяч звонких талеров!

И вдруг Петер громко вскрикнул от боли и замахал рукой: маленький человечек превратился в раскаленный кусок стекла и сильно обжег Петеру ладонь. А сам исчез, словно его и не было.

Долго напоминала Петеру распухшая рука о его глупости и неблагодарности. Но потом совесть перестала его мучить, и он сказал себе:

«Пусть продают за долги и дом и завод. У меня всегда останутся деньги, пока они есть у Толстого Езекиля».

Однажды в воскресенье Петер, как всегда, подъехал к трактиру, важно вышел из коляски и крикнул:

— Добрый вечер, хозяин! Что, Толстый Езекиль уже здесь?

— Входи, входи, Петер! — закричал трактирщик. — Мы давно сидим за картами, только тебя и не хватает.

Петер вошел в комнату и сунул руку в карман. В кармане у него было много золота. Видно, Толстый Езекиль приехал с деньгами.

Петер сел за стол и начал играть. Он играл до самого вечера, выигрывал и проигрывал. Когда стемнело, зажгли свечи, и игра продолжалась. В полночь почти все игроки поднялись из-за стола и ушли домой. Но Петеру все было мало, и он предложил Толстому Езекилю играть дальше. Езекиль долго не соглашался и, наконец, крикнул:

— Ну, хорошо! Я сосчитаю свои деньги, и мы сыграем в кости по пяти талеров на ставку.

Он вытащил кошель и сосчитал свои талеры. Их оказалась целая сотня. А Петеру считать не надо было. Он знал, что у него в кошельке ровно столько же денег.

Началась игра. Езекиль сперва выигрывал, потом стал проигрывать одну ставку за другой. Выкинет десять очков, а у Петера пятнадцать или больше выходит. Наконец, Езекиль бросил на стол последние пять талеров и крикнул:

— Еще разок, а если я проиграю, ты одолжишь мне немного, Петер. Приятель должен помочь приятелю.

— Охотно, — ответил Петер, довольный своим выигрышем. — Сколько хочешь, хоть сотню талеров!

Езекиль встряхнул кости и бросил их на стол.

— Пятнадцать! — радостно закричал Петер, выкинув кости.

И вдруг знакомый грубый голос произнес за его спиной:

— Конеч!

Петер испуганно осмотрелся. Около него стоял, вытянувшись во весь рост, Голландец Михель. От страха Петер выронил деньги, которые уже сгреб со стола. Но Толстый Езекиль не видел Михеля. Он

потребовал, чтобы Петер одолжил ему десять талеров на игру. Как во сне, сунул Петер руку в карман, но не нашел там денег. В другом кармане тоже было пусто. Тут только вспомнил Петер свое первое желание: чтобы у него всегда было столько денег, сколько у Толстого Езекиля. Теперь, когда Езекиль проигрался, у Петера тоже не было ни гроша. Как дым, разлетелось его богатство.

Трактирщик и Езекиль с удивлением смотрели на Петера. Им не верилось, что у него нет денег. Они сами вывернули его карманы, но ничего не нашли и сердито закричали, что Петер злой колдун. Петер оправдывался, как мог, но Езекиль поклялся, что он расскажет эту историю всем шварцвальдцам, и Петера сожгут на костре за колдовство. Потом Езекиль с трактирщиком бросились на Петера, сорвали с него камзол и вытолкали его на улицу.

Ни одной звезды не было на небе, когда Петер возвращался домой, грустно повесив голову. Но все-таки он увидел, что рядом с ним идет какой-то высокий человек.

— Ну, что же, Петер, — сказал незнакомец, — вот и кончилось твое богатство. Я тебе говорил, что так будет, но ты не стал меня слушать и побежал к стеклянному карлику. Теперь ты видишь, что получается, когда пренебрегают моим советом. Попробуй заключить со мной сделку. Мне жаль тебя, и я тебе помогу. Приходи завтра к Еловому холму и кликни меня — я к тебе выйду.

Петер сразу догадался, кто с ним говорит, и ему стало страшно. Он ничего не ответил и со всех ног побежал домой.

В понедельник утром, когда Петер пришел на завод, он увидел там, кроме своих мастеров, еще и бургомистра с тремя полицейскими. Бургомистр пожелал Петеру доброго утра и вынул из кармана большой

лист бумаги. На этом листе были записаны все, кому Петер остался должен.

— Можете вы заплатить долги или нет? — строго спросил бургомистр. — Говорите скорей, у меня времени мало, а отсюда до тюрьмы добрых три часа пути.

— Нет, — запинаясь, ответил Петер. — У меня не осталось ни одного талера. Продайте мой дом, завод, лошадь и коляску. Может быть, наберется довольно денег, чтобы уплатить долги.

Бургомистр с полицейскими начали ходить по заводу и составлять список всего, что там было.

«Пока они тут ходят, — подумал Петер, — я успею сбежать к Еловому холму. Раз карлик мне не помог, попробую обратиться к великану».

Он помчался во весь дух и скоро прибежал к оврагу, служившему границей владений Михеля. И только он успел крикнуть: «Господин Голландец, господин Михель!» — как великан появился перед ним со своей огромной дубиной.

— Ты пришел, Петер, — сказал он и громко рассмеялся. — С тебя, видно, содрали кожу, чтобы продать ее за долги. Но не беспокойся. Вся твоя беда в том, что ты обратился к этому карлику. Уж если он взялся тебе помогать, так помогал бы как следует, не скупясь. Пойдем ко мне. Может быть, нам с тобой и удастся сговориться.

«Сговориться? — удивился про себя Петер. — Что же такое он может от меня потребовать? Может быть, он хочет, чтобы я ему чем-нибудь отслужил?»

Они с великаном спустились по узкой крутой тропинке и остановились над глубоким отвесным ущельем. Голландец Михель сбежал по уступам скалы, точно по мраморной лестнице, и в один миг оказался на дне ущелья. И вдруг он начал расти и сделался

вышиной с башню. Он протянул Петеру ладонь, широкую, точно стол, и крикнул:

— Садись мне на руку и держись покрепче за мои пальцы!

Петер, дрожа от страха, уселся на ладонь великана и схватился за его большой палец. Чем ниже он спускался в ущелье, тем Голландец становился меньше и скоро сделался таким же, как всегда. Он поставил Петера на землю, и Петер увидел перед собой деревянный дом — не хуже и не лучше тех, в которых жили богатые шварцвальдцы.

Михель ввел Петера в комнату и знаком предложил ему сесть за стол. Он поставил перед ним большой кувшин с вином и два стакана, и они начали пить и разговаривать. Михель рассказывал Петеру про чужие страны, красивые города и широкие реки, и бывшему угольщику очень захотелось побывать в далеких краях. Он откровенно признался в этом великану.

— Часто бывает, — сказал в ответ Голландец, — что человек решается на какое-нибудь дело, а глупое сердце удерживает его. Что у тебя — в голове помутилось, когда тебя вчера назвали обманщиком, или живот заболел, когда пришел бургомистр, чтобы выгнать тебя из дома? Скажи-ка по правде, где ты почувствовал боль?

— В сердце, в сердце, — сказал Петер, прикладывая руку к груди. Его сердце беспокойно стучало, словно предчувствуя беду.

— И что заставляет тебя помогать беднякам и совать руку в карман при виде каждого нищего? — продолжал Михель. — Опять сердце, и только сердце, а не ноги, руки или глаза. Ты, так говорят, слишком близко все принимаешь к сердцу.

— Но как же сделать, чтобы этого не было? — спросил Петер. — Я вот изо всех сил стараюсь заглушить в себе сердце, а оно все-таки бьется и болит.

— Тебе-то, бедняга, ничего с ним не поделывать, — сказал Голландец и рассмеялся. — Но отдай твое сердце мне. Увидишь, как тебе без него будет хорошо.

— Вам — мое сердце? — в ужасе закричал Петер. — Ни за что! Я ведь тогда сейчас же умру.

— Нет, ты не умрешь, Петер, — сказал Голландец. — Когда я вынимаю у людей из груди сердце, это им не вредит. Ступай за мной и сам убедишься.

Он поднялся и повел Петера в небольшую комнату.

Сердце бывшего угольщика болезненно сжалось, но он не обратил на это внимания. Уж очень странное зрелище представилось его глазам.

По стенам комнаты, на деревянных полках, стояли банки с какой-то прозрачной жидкостью, и в каждой банке лежало человеческое сердце. На банках были наклеены бумажки с надписью: «Сердце бургомистра», «Сердце Толстого Езекиля», «Сердце Короля Плясунов», «Сердце Длинного Шлуркера», «Сердце главного лесничего». Словом, тут были собраны сердца самых богатых людей околотка.

— Смотри, — сказал Голландец. — Все эти люди не знают теперь ни забот, ни горя. Они чувствуют себя гораздо лучше с тех пор, как избавились от своего сердца.

— Но что же бьется теперь у них в груди? — спросил Петер.

— Вот что, — сказал Голландец и протянул Петеру каменное сердце.

— Сердце из мрамора! — сказал Петер, весь дрожа. — Но послушайте, господин Голландец, от него, наверно, очень холодно в груди?

— Нет, только прохладно, — ответил Михель. — Да и зачем сердцу быть теплым? Зимой оно все равно без шубы не согреет, а летом, когда стоит жара, очень приятно чувствовать в груди холодок. И ни страха,

ни жалости, ни забот с таким сердцем не знаешь.

— Вот все, что вы можете мне предложить? — недовольно сказал Петер. — Я думал, вы дадите мне денег.

— Сто тысяч талеров тебе пока что хватит, — сказал Голландец. — Если разумно с ними обращаться, можно нажать миллионы.

— Сто тысяч! — радостно воскликнул Петер. — Полно тебе стучать, глупое сердце, мы скоро с тобой расстанемся! Ладно, Михель, давай мне камень и деньги, а мое горе и заботы можешь взять себе.

— Я всегда думал, что ты умный парень, — сказал Голландец. — Пойдем, выпьем еще по стаканчику, а потом я отсчитаю тебе деньги.

И они вернулись к столу и пили до тех пор, пока Петер не заснул мертвым сном.

Его разбудили веселые звуки почтового рожка. Он сидел в просторной карете и катил куда-то по широкой дороге. Выглянув из окна, он увидел вдали родимое Чернолесье и сначала не хотел верить, что он сам сидит в карете. Ведь и одежда на нем была не та, что вчера. Но понемногу он вспомнил обо всем, что произошло накануне, и воскликнул:

— Нет сомненья — это я, Петер-угольщик, и никто другой!

Петера очень удивляло, что ему несколько не жаль расставаться с Шварцвальдом. Даже вспомнив о своей матери, он не пролил ни одной слезинки, и все ему было безразлично.

«Ах, вот что! — догадался он, наконец. — Ведь печаль и тоска происходят от сердца, а мое сердце теперь каменное».

Он приложил руку к груди — там ничто не стучало и не билось.

«Надеюсь, что Михель и насчет денег тоже сдержал свое обещание», — подумал Петер.

Он осмотрелся и увидел, что вся карета увешана самым лучшим платьем, но денег как будто нигде не было. Долго обыскивал Петер куртки и камзолы и, наконец, нашел сумку, полную серебра и золота. «Теперь, наконец, исполнились все мои желания, — весело сказал себе Петер. — Можно и на свет посмотреть».

Два года разъезжал Петер в своей карете по чужим странам. В каждом городе он останавливался и сразу бежал его осматривать. Но ничто не доставляло ему удовольствия, ничто не трогало его холодного сердца. Прекрасные картины, хорошая музыка, веселые танцы — все это нисколько не волновало его. Больше всего он любил есть, пить и спать.

Иногда Петер, правда, вспоминал, что раньше, когда он был бедным угольщиком, ему жилось веселей и приятней. В то время он любил спеть песню и поплясать, а теперь даже смеяться разучился. Он чувствовал себя совсем спокойным, но счастлив он все-таки не был.

Наконец, ему надоело скитаться по свету и он вернулся на родину.

Увидев снова любимое Чернолесье и своих рослых веселых земляков, Петер почувствовал, что кровь быстрее побежала у него по жилам. Он приложил руку к сердцу, надеясь услышать его биенье, и сейчас же опустил ее. «Какой же я глупец! — сказал он себе. — Разве каменное сердце когда-нибудь забьется?»

Первым делом Петер отправился к Голландцу.

— Ну, Михель, — сказал он, — я два года ездил по чужим краям и все время скучал. Сказать по правде — твоя каменная штука спасает меня от горя и печали, но радоваться я тоже разучился. Мне кажется, что я живу только наполовину. Не можешь ли ты немного расшевелить это холодное сердце? Или лучше

верни мне мое сердце обратно. Я уж привык к нему, и мне с ним будет легче жить.

— Нет, Петер, пока ты жив, ты уж его не получишь, — ответил Михель. — Путешествие, видно, не принесло тебе пользы. Поживи теперь здесь, в лесу. Выстрой себе дом, женись и начни какое-нибудь дело. Ты потому и скучал, что не работал.

«Михель прав, — подумал Петер. — Надо взяться за работу, чтобы по-настоящему разбогатеть».

Голландец подарил Петеру еще сто тысяч талеров, и они расстались добрыми друзьями. Скоро по всему Шварцвальду разнесся слух, что Петер-игрок вернулся и стал еще богаче, чем прежде. Петер бросил стекольное дело и начал торговать лесом. Но он делал это только для отвода глаз, а втихомолку отдавал в рост деньги. Через какой-нибудь год половина шварцвальдцев была у него в долгу: за каждую тысячу талеров он требовал сотню в придачу. А крестьянам он продавал в долг хлеб и брал с них втридорога. С бургомистром он был теперь в большой дружбе. Стоило кому-нибудь из его должников не заплатить вовремя, как полицейские сейчас же являлись к нему, продавали все его имущество, а его самого с женой и детьми выгоняли на улицу.

Сначала это доставляло Петеру неудобство: женщины и дети толпами приходили к его дому и умоляли простить их долг. Но потом Петер купил двух крупных овчарок и научил их бросаться на всех, кто бедно одет.

Больше всех ему досаждала «старуха», как он называл теперь свою мать. Ей пришлось очень плохо, когда продали за долги дом и завод Петера. А после возвращения из чужих стран Петер ни разу и не вспомнил мать. Раза два в неделю она приходила к его дому, еле держась на ногах от слабости и опираясь на палку. В комнаты она не смела войти — ее уже

не раз прогоняли. Горько ей было пользоваться милостями своих соседей, но ее собственный сын не хотел ее кормить: ничто не могло тронуть его холодного сердца. Когда Варвара робко стучала в ворота, он вынимал из кармана медную монету и бросал ее старухе из окошка. Больше он не вспоминал о ней.

Через год или два Петеру пришло на ум жениться. Он знал, что любой шваршвальдец охотно выдаст за него свою дочь, и долго ездил по всему Чернолесью, присматривая себе жену. Ни одна девушка не казалась ему достаточно хорошей. Наконец, до него дошел слух, что самая красивая и скромная невеста в Шварцвальде — Лизбета, дочь одного бедного дровосека. Она жила в доме своего отца и никогда, даже в праздник, не танцевала с парнями.

Едва Петер услышал про эту девушку, он сейчас же решил на ней жениться. Он подъехал к хижине дровосека, и отец Лизбеты очень удивился при виде богатого гостя. Но еще больше он был изумлен, когда узнал, что господин Петер хочет стать его зятем.

Не раздумывая долго, дровосек согласился выдать свою дочь за Петера. Он думал, что теперь кончатся его нужда и бедность.

Согласия Лизбеты он и не спрашивал. Не такова была она, чтобы прекословить отцу.

И вот Лизбета вышла замуж за Петера-игрока. Но не так хорошо пришлось бедняжке, как она думала. Лизбета слыла хорошей хозяйкой, но она никак не могла угодить Петеру. Ей было жалко всех несчастных, и она не считала за грех подать нищему монетку или накормить странника — ведь ее муж был богаче всех в Шварцвальде. Но, когда Петер заметил ее щедрость, он сердито посмотрел на нее и сказал грозным голосом:

— Зачем ты раздаешь мои деньги бродягам и нищим? Разве ты принесла в дом что-нибудь свое? У

твоего отца только и есть добра, что топор да веревка. А ты мотаешь деньги, точно принцесса. Попробуй еще раз подать нищему — я тебя проучу!

Услышав эти жестокие слова, бедная Лизбета горько заплакала и ушла в свою комнату.

«Лучше бы мне было остаться жить с отцом в его бедной хижине, — думала она. — Но разве я знала, что у Петра каменное сердце?»

Петер так напугал Лизбету своей угрозой, что она не решалась его послушаться. Когда мимо их дома проходил нищий, добрая женщина закрывала глаза и как можно крепче сжимала руки — они так и тянулись в карман за монеткой. И скоро Лизбета прослыла в околотке такой же скрягой, как и ее муж.

Однажды Лизбета сидела на крыльце своего дома и пряла, напевая песенку. У нее было весело на душе: погода стояла хорошая, и Петер уехал в поле. И вдруг на дороге показался маленький старичок с тяжелым мешком за плечами. Ему было не под силу нести мешок, и он тихо вздыхал и стонал.

«Нехорошо так нагружать слабого старика», — с жалостью подумала Лизбета и грустно посмотрела на несчастного.

А старичок подошел к крыльцу и сказал еле слышно:

— Пожалейте меня, добрая госпожа. Дайте мне напиться — у меня нет сил идти дальше.

— Вы слишком стары, чтобы носить такую тяжесть, — сказала Лизбета.

— Что поделаешь, я беден, и мне приходится служить рассыльным, чтобы не умереть с голоду, — ответил старик. — Вы — богатая женщина и не знаете, что такое нужда. Будьте же милостивы, дайте мне глоток воды.

Лизбета торопливо вбежала в дом, сняла с полки кружку и хотела наполнить ее водой. Но ей стало

так жалко старика, что она решила угостить его по-лучше.

«Петера нет дома, — подумала она. — Он ничего не узнает и не станет меня бранить». И Лизбета взяла другую, красивую, кружку и налила в нее хороше-го вина. Она захватила большую ржаную лепешку и вынесла все это старику.

— Пейте, — сказала она, подавая ему кружку. — Вино вам покажется вкуснее воды. Но только не то-ропитесь и закусывайте лепешкой.

Старичок признательно посмотрел на Лизбету, и глаза его наполнились слезами. Он медленно выпил вино и сказал:

— Я уже долго живу на свете, но не видел ни-кого добрее вас, госпожа Лизбета. Вам будет хоро-шо жить на свете. Такая добрая заслуживает на-грады.

— Правильно! — вдруг закричал кто-то громо-вым голосом. — И награды не придется долго ждать.

Лизбета с ужасом оглянулась. Сзади нее стоял с бичом в руке ее муж, Петер, весь красный от гнева.

— Ты поишь моим вином всяких попрошаек! — закричал Петер еще громче прежнего. — Вот тебе, получай свою награду!

И он с такой силой ударил Лизбету по лбу ручкой бича, что бедная женщина упала без чувств. Увидя, что он сделал, Петер немного испугался. Он нагнулся над Лизбетой, чтобы посмотреть, жива ли она. Но старик отстранил его и сказал хорошо знакомым Петеру голосом:

— Все кончено, Петер! Это была самая дббрая женщина в Шварцвальде, но ты погубил ее. Никогда больше она не будет жить.

Петер побледнел, как смерть, и выпрямился.

— Так это вы, господин хранитель клада? — ска-вал он. — Ну, что же, сделанного не воротишь. Вид-

но, так было суждено. Надеюсь, вы не донесете на меня за убийство?

— О, несчастный! — ответил старичок. — Какая будет польза, если тебя повесят? Ты продал свое сердце Голландцу, и тебя ждет еще худшее наказание.

— Ты один виноват, что я продал свое сердце! — закричал Петер. — Ты обещал мне богатство и обманул меня. Мне поневоле пришлось искать помощи у другого.

Едва Петер произнес эти слова, как Стеклушка вдруг начал расти и сделался высокий и толстый. Глаза у него стали огромные, как суповые тарелки, и грозно засверкали. Из рта, как из печи, вырвалось пламя. Петер бросился на колени, дрожа от страха. Острыми, как у ястреба, когтями схватил его Стеклушка за ворот, сильно потряс и бросил на землю. У Петера даже кости затрещали.

— Ничтожный червяк! — крикнул Стеклушка громовым голосом. — Мне ничего не стоит растоптать тебя, но ради этой женщины, которая меня напоила и накормила, я дам тебе еще неделю сроку. Если ты не раскаешься и не вернешься к добру, я приду и убью тебя.

Поздно вечером прохожие увидели, что богатый Петер лежит перед своим домом, точно мертвый. После долгих стараний они привели его в чувство, и, как только Петер раскрыл глаза, он сейчас же спросил про Лизбету. Но никто не знал, где она. Петер тихонько вошел в дом и стал ее искать. Лизбеты не было ни в погребе, ни на чердаке. То, что Петер считал дурным сном, оказалось правдой: он убил Лизбету собственными руками.

Петер-игрок не раскаивался — сердце-то ведь у него было каменное. Но он понимал, что все его дурные поступки не приведут к добру.

Почти всю ночь он не мог заснуть. Стоило ему на минуту забыться, как он слышал голос своей жены, которая говорила: «Петер, Петер, раздобудь себе сердце потеплее».

На другой день он пошел в трактир, чтобы развлечься, но мысль о жене не покидала его. Петер не жалел, что убил Лизбету, но он не знал, как скрыть это от людей: ему приходилось всем говорить, что его жена уехала.

Так прошло шесть дней. Каждую ночь Петер слышал голос Лизбеты и вспоминал грозные слова Стеклушки. Наконец, на седьмой день он сказал себе:

«Попробую раздобыть сердце потеплее. Мое каменное сердце не дало ни счастья, ни радости».

Он надел свое праздничное платье, сел на лошадь и поехал к Еловому холму. У подножья холма он слез с лошади и привязал ее к дереву. Потом он взобрался на холм и, встав перед елкой, снял шляпу, поклонился и позвал Стеклушку.

Стеклушка тотчас же вышел к Петеру. Лицо у него было грустное и печальное.

— Что тебе нужно от меня, Петер? — спросил он глухим голосом.

— У меня осталось еще одно желание, господин Стеклушка, — ответил Петер, опустив глаза.

— Разве люди с холодным сердцем могут чего-нибудь желать? — сказал карлик. — У тебя есть все, что тебе нужно, и мне трудно будет исполнить твоё желание. Но говори, в чем состоит твоя просьба.

— Выньте у меня из груди камень и верните мне мое прежнее сердце, — сказал Петер.

— А разве ты со мной заключил сделку? — спросил Стеклушка. — Я не Голландец Михель, который дает богатство и каменное сердце. Иди к Михелю и требуй свое сердце у него.

— Михель, наверно, не отдаст его, — печально проговорил Петер.

— Хотя и плохой ты человек, но мне жаль тебя, — сказал Стеклушка, немного подумав. — Твое желание вполне разумно, и я попробую тебе помочь. Силой ты своего сердца у Михеля не отнимешь, но добыть его хитростью, пожалуй, возможно. Ведь Михель — порядочный дурак, хоть и считает себя очень умным. Иди к нему сейчас же и сделай так, как я тебе скажу.

Стеклушка научил Петера, что ему делать, и подал ему маленький стеклянный шарик.

— Убить тебя Голландец не может, — сказал он в заключение. — Покажи ему этот волшебный шарик, и он не будет в силах ничего с тобой сделать.

Петер поблагодарил Стеклушку, взял шарик и отправился к Михелю. Подойдя к дому Голландца, он три раза позвал его, и великан сейчас же вышел.

— Что, Петер, жену убил? — сказал он со смехом. — Так ей и надо. Зачем она приманивала к твоему дому бродяг и нищих? Теперь тебе нужно на время уехать отсюда. Ты, наверно, за деньгами пришел?

— Ты угадал, — ответил Петер. — Но только дай побольше: ведь до Америки далеко.

Михель вошел с Петером в дом и раскрыл огромный сундук, набитый деньгами. Он вынул из сундука большой мешок с золотом, положил его на стол и начал отсчитывать деньги.

— Ну и обманщик же ты, Михель! — сказал Петер. — Чего это ты мне врал, будто у меня в груди каменное сердце, а настоящее мое сердце у тебя?

— А разве это не так? — удивился Михель. — Ведь ты теперь не чувствуешь своего сердца. Оно же холодное, как лед.

— Ты только остановил его, но оно по-прежнему у меня в груди, — сказал Петер. — И у Толстого Езе-

киля тоже есть сердце. Он мне сам говорил. Не так ты хитер, чтобы незаметно вынуть у человека из груди сердце. Для этого надо быть колдуном.

— Что ты болтаешь! — сердито закричал Михель. — И у Толстого Езекиля, и у всех богачей в Шварцвальде, которые заключили со мной сделку, сердце каменное, как у тебя. А настоящие сердца лежат у меня в банках.

— Ловко же ты, однако, врешь! — воскликнул Петер. — Обманывай кого-нибудь другого. Думаешь, я мало видел таких фокусов, пока путешествовал? Все эти твои сердца, наверно, восковые. Слов нет, ты, — богатый человек, но колдовать ты не умеешь.

— Посмотри! — сердито закричал Михель, отворяя дверь в комнату. — Вон твое сердце в той большой банке.

Видишь, как оно бьется и трепыхается. Тут и надписи есть: «Сердце Петера-игрока».

— А все-таки ты его сделал из воска, — сказал Петер. — Настоящее сердце так не бьется. Нет, плохой ты колдун.

— Сейчас я тебе докажу! — закричал Голландец. — Ты увидишь, твое ли это сердце.

Он резким движением расстегнул камзол Петера, вынул у него из груди камень и показал его бывшему угольщику. Потом он взял настоящее сердце Петера, подышал на него и осторожно вложил его на место. И сейчас же Петер почувствовал, что сердце забилося у него в груди, и ему стало тепло и радостно.

— Ну, как ты теперь себя чувствуешь? — спросил, улыбаясь, Михель.

— Действительно, ты был прав, — сказал Петер, тихонько вынимая из кармана волшебный шарик. — Я бы никогда не поверил, что можно делать такие чудеса.

— Вот видишь! — обрадовался Михель. — Я и колдовать хорошо умею. Давай-ка теперь я вложу камень обратно.

— Потихе, потихе, господин Михель, — сказал Петер, делая шаг назад, и показал великану шарик. — На этот раз ты остался в дураках.

И вдруг Михель стал делаться все меньше и меньше. Он упал на пол и начал извиваться, как червяк, испуская громкие стоны. И все сердца стали трепетать и биться так, что в комнате поднялся стук, точно в лавке часовщика. Петер испугался и опрометью выбежал из дома. Долго он еще слышал за собой крики и проклятья Михеля, но теперь уже Голландец не мог ему повредить.

Когда Петер был уже недалеко от Елового холма, вдруг разразилась страшная гроза. Удары грома следовали один за другим, вековые деревья то и дело падали, пораженные молнией. Но ни одно из них не задело Петера.

Сердце бывшего угольщика весело стучало — только от радости так оно могло биться. Но на душе у Петера было невесело. Он вспомнил свою жену, которую он убил собственной рукой, и горько заплакал.

Наконец, он дошел до жилища Стеклушки. Карлик сидел под елкой и курил свою трубочку. Теперь лицо у него было веселее.

— О чем ты плачешь, Петер? — спросил он. — Разве ты не получил обратно своего сердца?

— Ах, господин Стеклушка, — ответил Петер, — я оттого и плачу, что у меня в груди мое прежнее сердце. Оно рвется на части, когда я вспоминаю, сколько я сделал зла. Моих должников я лишил крова, бедных и нищих травил собаками, а жену свою убил.

— Если бы я был уверен, что ты раскаялся, Пе-

тер, я бы, пожалуй, помог тебе еще раз, — сказал Стеклушка.

— Ничего я больше не хочу! — воскликнул Петер. — Что мне делать на свете одному? Моя мать никогда не простит меня, да ее, может быть, уже нет на свете, а Лизбета, моя жена... Убейте меня лучше, господин Стеклушка. Пусть кончится моя скверная жизнь!

— Хорошо, — ответил Стеклушка. — Если ты этого хочешь, пусть будет по-твоему. Топор у меня всегда с собой.

Он спокойно вынул изо рта трубку, выколотил ее и сунул в карман. Потом он медленно встал на ноги и скрылся среди елок. А Петер, горько плача, сел на траву и ждал смерти.

Скоро он услышал сзади себя чьи-то тихие шаги и подумал: «Вот идет Стеклушка. Скоро мне конец».

— Оглянись-ка, угольщик Петер! — крикнул карлик.

Петер утер слезы и оглянулся. И кого же он увидел? Свою мать и Лизбету, которые ласково смотрели на него.

— Так значит, ты не умерла, Лизбета! — радостно вскрикнул Петер. — И вы, матушка, тоже здесь? Неужели вы простили меня?

— Они готовы тебя простить, потому что ты раскайся, — сказал Стеклушка. — Ступай теперь домой и будь, как прежде, угольщиком. Если ты будешь хорошим человеком, все тебя станут любить и уважать! Прощай, Петер!

С этими словами Стеклушка скрылся за елкой, а Петер с женой и матерью пошли домой.

От красивого дома Петера не осталось и следа — его спалила молния. Но от него до отцовской хижины было недалеко. К этой хижине и направился Петер, ничуть не сожалея, что его дом сгорел. Но как

же он удивился, когда подошел к хижине: она превратилась в красивый, просторный дом, и все в нем было устроено просто и удобно.

— Это сделал добрый Стеклушка! — воскликнул Петер.

— Какой прекрасный дом! — воскликнула Лизбета. — Мне будет в нем гораздо лучше, чем в большом дворце, полном прислуги.

С этих пор Петер стал прилежным работником и хорошим человеком, и все его очень полюбили. Он никогда больше не ссорился с Лизбетой, почитал свою мать и помогал бедным.

Когда у Лизбеты родился сын, Петер пришел к Еловому холму и сказал свой стишок. Но никто не вышел к нему.

— Господин Стеклушка, господин хранитель клада! — во весь голос крикнул Петер. — Я только хочу вас попросить зайти и посмотреть моего сына.

Но Стеклушка не откликнулся. Все было тихо кругом, только ветерок пробежал по веткам и сбросил на землю несколько еловых шишек.

— Если уж вы не хотите показаться, я возьму хотя эти шишки на память, — сказал Петер.

Он сунул шишки в карман и вернулся домой. А вечером, когда он снял свой камзол и Лизбета вывернула карманы, собираясь его почистить, из карманов посыпались какие-то тяжелые свертки. Когда их развернули, оказалось, что там одни золотые талеры, да все звонкие, настоящие, — ни одной фальшивой монетки. Это был подарок Стеклушки маленькому сыну Петера.

Еще много лет прожил Петер со своей женой тихо и мирно. До самой смерти он любил повторять: «Лучше довольствоваться малым, чем быть богачом и иметь в груди холодное сердце».

5 р. 30 к.